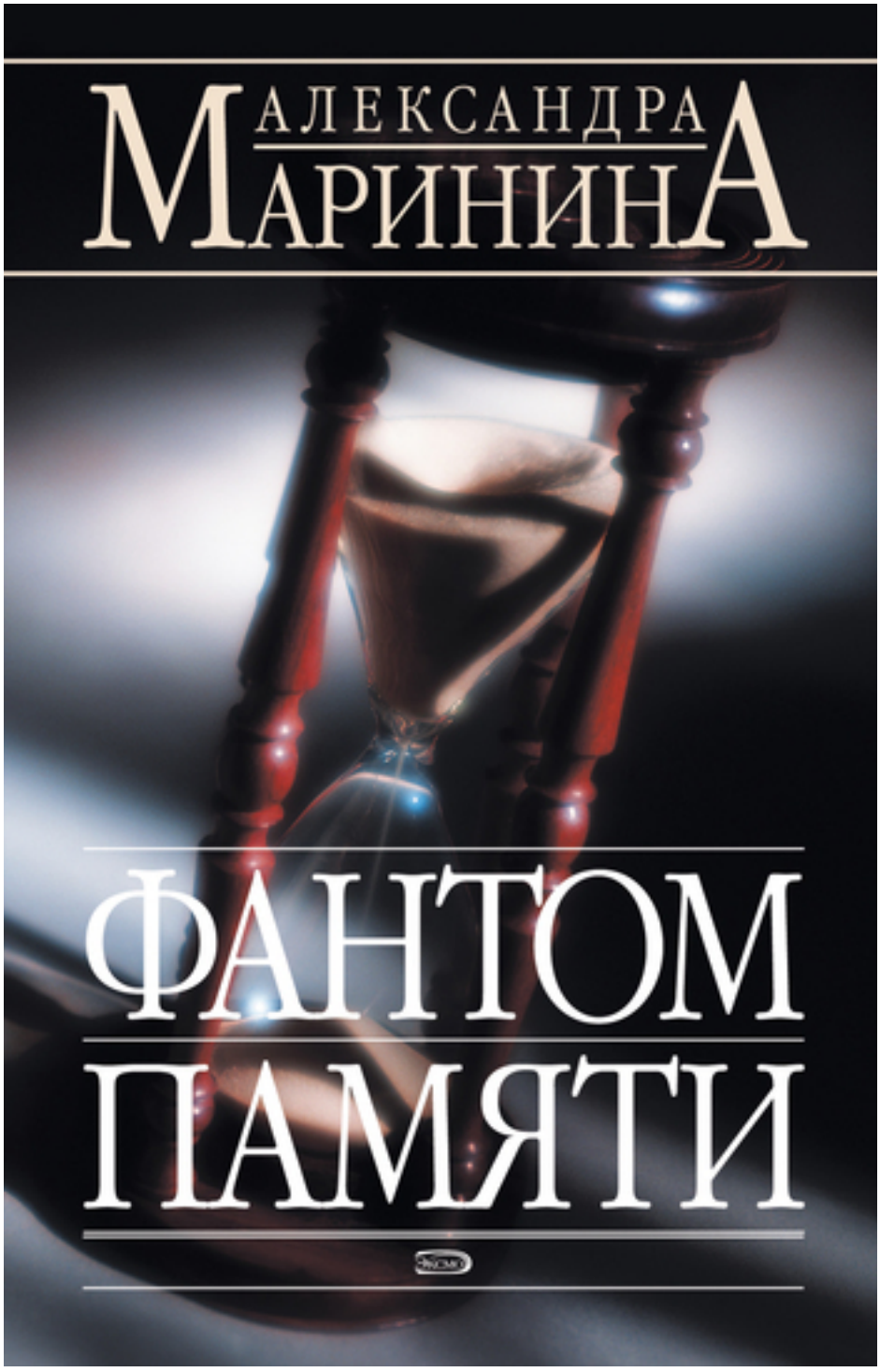
АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА
ФАНТОМ
ПАМЯТИ

Преступления правильной жизни

Александра Маринина

Фантом памяти

«Автор»
2002

Маринина А.

Фантом памяти / А. Маринина — «Автор»,
2002 — (Преступления правильной жизни)

ISBN 5-699-04145-1

Почти два напряженных и плодотворных года жизни выпали из памяти преуспевающего писателя Андрея Корина. Считается, что это последствия автокатастрофы. Но чем энергичнее пытается Андрей восстановить утраченное время, тем очевиднее – причина гораздо глубже. Словно в зеркало вглядывается он в окружающих, по крохам собирая свое прошлое. И все чаще взгляд его обращается на самого себя, ибо именно в нем таится причина этой странной амнезии. Какой поступок в прошлом заставил сознание Андрея вытеснить из памяти кусок жизни? Кто вокруг – друзья или враги? Откуда исходит опасность – ведь на него дважды покушались? И что откроется взору, когда его память внезапно прозреет?..

ISBN 5-699-04145-1

© Маринина А., 2002
© Автор, 2002

Содержание

ГЛАВА 1 5
ГЛАВА 2 17
ГЛАВА 3 29
ГЛАВА 4 41
ГЛАВА 5 51
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Александра Маринина
Фантом памяти

ГЛАВА 1

По химии и физике у меня в школе были стабильные тройки, которые ставились мне исключительно из уважения к моим успехам по гуманитарным предметам. Поэтому еще до того, как мне удалось разлепить веки, я на полном серьезе прикидывал, может ли гранитная плита быть жидкой внутри. Выходило, что может. Первой мыслью, которая прорвалась сквозь плотный туман неопределенности, окутавшей мозг, было понимание того, что я умер и представляю собой гранитный памятник самому себе. И чем же еще я мог быть, если и руки, и ноги, и голова – все, из чего я состоял, было каменно-тяжелым и неподвижным. А внутри плескалась боль, пронзительная и жгучая, как приправленный острым перцем кипяток. Ее нельзя было тревожить, ибо при малейшей попытке шевельнуть веками или губами она взвивалась упругими волнами, словно старалась вырваться наружу, распирая мой череп изнутри. Я старался сохранять неподвижность и одновременно придумать способ обмануть эту хитрую и коварную жидкую боль внутри гранитно-неподвижного тела. Ну ладно, пусть не обмануть, но хотя бы понять, что случилось. Я ехал в магазин, в большой супермаркет, чтобы набить багажник машины продуктами и на несколько недель плотно осесть в одиночестве на даче и поработать без помех. Настроение было премерзким, это я помню точно, и даже помню, почему именно. А больше не помню ничего. Ехал по Садовому кольцу, по внешней стороне, направлялся к Комсомольской площади, чтобы выехать на Русаковскую улицу, где и находился вышеупомянутый супермаркет, оттуда по прямой собирался выскочить на Щелковское шоссе и без приключений доехать до дачи. Приключение, однако, все-таки случилось, но убей меня бог, если я помню, какое именно, где и почему.

Я, конечно, писатель, и, по определению, у меня с фантазией должно быть все хорошо, но ничего, кроме аварии, я придумать так и не смог.

– Вы меня слышите? – донесся откуда-то издалека едва слышный голосок, больше напоминавший шелест сухих листьев.

Я сделал над собой усилие и шевельнул губами. Хотел сказать «да», но что получилось на самом деле – не знаю. Зато неловкая попытка вступить в контакт с внешним миром была немедленно наказана бурным всплеском боли, буквально ударившей изнутри по глазам и затылку.

Шелестящий голосок еще что-то спрашивал о моем самочувствии, но я счел за благо больше не рисковать, потому что понял: битву с болью на данном этапе мне все равно не выиграть, так что лучше затаиться, уйти в тину и прикинуться водорослью. Потом я почувствовал укол в руку и через некоторое время уснул.

Второе пробуждение оказалось куда более приятным и в очередной раз подтвердило старую истину об относительности всего в этом мире. Я по-прежнему оставался надгробным памятником самому себе, заполненным изнутри тяжелой жидкой болью, но боль эта была уже не такой сильной и вполне позволяла потихоньку шевелить губами. Конечно, разговаривать в полный голос я еще не мог, первый же изданный мною звук, резонируя в черепной коробке, напрочь пресек эти глупые помыслы, но если шепотом – то все получалось. И уже одно это вселяло оптимизм и поднимало настроение. Более того, я осмелился открыть глаза, но почти ничего не увидел. В комнате было темно, лишь слабая полоска света пробивалась откуда-то со стороны окна.

– Как вы себя чувствуете? – очень тихо спросил кто-то, чьи очертания я лишь смутно угадывал рядом с кроватью.

– Не очень, – честно прошептал я. – Голова сильно болит. Где я? Что со мной?

– Вы в больнице. Вы попали в аварию.

– Не помню…

– Как вас зовут?

– Андрей Михайлович Корин. Документы…

– Что?

– В машине были документы, паспорт, права… Разве их не нашли?

– Нашли, не волнуйтесь.

– Тогда почему вы спрашиваете мое имя?

– Так надо. Вы устали?

– Нет… Да… Где это случилось?

– А вы сами не помните?

– Нет… Я ехал по Садовому, перестраивался, чтобы свернуть к трем вокзалам… Где-то там, да?

– Когда это было?

– Не знаю… сегодня, наверное… может быть, вчера… Около восьми вечера. Сколько времени я здесь нахожусь?

– Сутки. Авария произошла вчера. Какое было число? Вопрос показался мне глупым, но я сообразил, что меня проверяют. Раз так сильно болит голова, значит, я получил травму черепа, и теперь доморощенным эскулапам необходимо убедиться, что у меня крыша не слетела. Благодаря родителям-медикам кое-какие осколочные знания из области врачевания у меня были.

– Вчера было восемнадцатое июля, – добросовестно вышептал я, стараясь как можно активнее шевелить губами.

– Какого года?

– Тысяча девятьсот девяносто девятого. Почему здесь так темно? Почему нет света?

– Вам нельзя ни света, ни громких звуков. Отдыхайте, Андрей Михайлович, постарайтесь уснуть.

Особо стараться не пришлось, я действительно ужасно устал за время этого короткого разговора. Уже почти заснув, я вдруг вспомнил, что так и не выяснил, что это за больница и где находится. Интересно, они уже связались с кем-нибудь, сообщили обо мне? Лина, конечно, вряд ли будет рвать на себе волосы, у нее своих проблем выше крыши, бизнес занимает все ее время и внимание. Наверняка даже ездить ко мне в больницу будет не чаще раза в неделю. А вот Муся по-настоящему расстроится, станет переживать, поднимет на ноги всю медицинскую общественность страны, чтобы как можно быстрее привести меня в форму. Что ж, вполне понятно, мое здоровье – это быстрейшее завершение новой книги, которую я намеревался закончить, сидя в дачном затворничестве, мои книги – это мои гонорары, а мои гонорары – ее проценты. Я не льщу себя надеждой, что Муся так активно ведет мои дела, потому что любит меня как друга и восхищается моим талантом. Ха-ха! Талантом, если он вообще есть, она восхищается ровно настолько, насколько этот талант делает книги продаваемыми, а вовсе не потому, что ей самой эти книги нравятся. Но мне все равно, меня это не обижает и не задевает. Главное, что Муся сняла с меня практически все заботы и хлопоты, в том числе и неприятные, а я добросовестно плачу ей за это деньги. Как только Муся узнает о том, что я попал в больницу, сразу же все завертится, закрутится, встанет на место и образуется в самом лучшем виде. Когда проснусь, надо будет первым делом попросить, чтобы связались с ней.

Девушка в белом халатике ловко перестелила простыни, поворачивая меня с боку на бок, и помогла мне немного приподняться.

– Тошнит? – заботливо спросила она.

– Кажется, нет.

– Попробуем покушать?

Мне стало смешно. Как с ребенком разговаривает, честное слово, а ведь мне уже сорок четыре.

– Рискнем, – согласился я.

Чувствовал я себя куда лучше, уже мог разговаривать вполголоса, хотя попытки встать и пройтись по палате ни к чему хорошему не привели, голова кружилась так сильно, что я и двух шагов сделать не сумел. Но зато в положении лежа я был вполне коммуникабелен.

– Какая сегодня погода? – поинтересовался я, без энтузиазма глотая жидкую безвкусную манную кашу.

– Ой, погода замечательная, – защебетала сестричка по имени Анечка, – для конца апреля вообще шикарная, тепло, солнышко!

При чем тут апрель? Сейчас июль. Я попал в аварию восемнадцатого, прошло три дня, сегодня должно быть двадцать первое июля. А никакой не апрель. Наверное, у сестрички такой юмор. Что ж, покажу, что сумел его оценить.

– Ну что ты, Анюта, в апреле должны быть морозы и горы снега, вот это считается шикарным. А солнышко и тепло – это непорядок.

Она испуганно посмотрела на меня, алюминиевая ложка с жидкой кашей дрогнула в ее руке.

– Вы это серьезно?

– Абсолютно. Я же понимаю, что если три дня назад было восемнадцатое июля, то сегодня должен быть конец апреля, иначе и быть не может. Что ты на меня так смотришь?

– Андрей Михайлович, но сегодня действительно тридцатое апреля. Две тысячи первого года. Вы мне не верите?

– Аня, твои шутки перестают быть смешными, – я раздраженно поморщился. – Всему надо знать меру, особенно когда имеешь дело с больными.

– Это не шутки, – голосок ее задрожал, на глазах появились слезы, – вы попали в аварию в пятницу, двадцать седьмого апреля. Сегодня понедельник, тридцатое. Вы ехали в Талдом на встречу с читателями, в вашу машину врезался какой-то наркоман на джипе. И сейчас вы лежите в Талдомской больнице.

– Прекрати!

Я начал не на шутку сердиться. Что себе позволяет эта девчонка? Хочет показать, какие у нее способности к шуткам и розыгрышам? Меня никогда не приглашали в Талдом, я вообще там сроду не бывал, знаю только, что есть такой городок на севере Московской области.

– Я ехал к себе на дачу, а не в Талдом, это совершенно другое направление. И перестань валять дурака!

Слезинка выскользнула из глаза и медленно поползла по гладкой упругой щеке. Алюминиевая ложка с влажным чмоком плюхнулась в миску с кашей.

– Не верите? Я вам покажу сейчас… Подождите. – Анюта выскочила из палаты и через минуту вернулась, держа в руках газету.

– Вот, читайте. Это наша талдомская газета, здесь все написано.

Да, здесь действительно было все написано. И про то, что двадцать седьмого апреля, в пятницу, в Доме культуры состоится встреча с «нашим любимым писателем, автором многочисленных бестселлеров Андреем Кориным». И даже про то, что эта самая пятница, двадцать седьмого апреля, имеет место быть в две тысячи первом году. Если это розыгрыш, то он зашел слишком далеко, ведь такую газету, пусть и в единственном экземпляре, надо было придумать,

сверстать и напечатать. Меня хотят свести с ума. Но кто? Зачем? О чем-то подобном я читал у Себастьена Жапризо, кажется, книга называлась «Дама в очках, с ружьем и в автомобиле». Меня хотят заставить поверить, что я свихнулся вследствие аварии, не помню, что происходило в моей жизни, путаю даты. Меня хотят выбить из колеи, сделать нетрудоспособным, помешать мне писать книги. Кто? Кому это может быть нужно? Черт возьми, почему до сих пор здесь нет Муси? Я же еще утром дал все ее телефоны и просил сообщить ей, где я нахожусь. Видно, дисциплина персонала в этом провинциальном лазарете еще хуже, чем медицинская подготовка.

Я аккуратно (насколько сумел плохо слушающимися руками) сложил газету и сунул ее под подушку. Глубоко вдохнул и задержал дыхание, чтобы не дать прорваться клокочущей во мне ярости, смешанной со страхом.

– Я больше не хочу есть. Позови, пожалуйста, врача.

– Вы плохо себя чувствуете? – переполошилась сестричка.

– Я сказал: позови врача, – холодно повторил я. Анютка молча собрала на поднос миски и кружку, расставленные на тумбочке возле кровати, и, не глядя на меня, вышла.

Через два часа, после разговора с врачом и безуспешной борьбы с действительностью, мне пришлось констатировать факт, приведший меня в ужас: у меня украли почти два года жизни. Сегодня тридцатое апреля две тысячи первого года, в аварию я попал двадцать седьмого апреля, и никакими интеллектуальными усилиями сей прискорбный факт отменить не удается. А последнее, что я помню, – это поездка на дачу восемнадцатого июля девяносто девятого года. Один год, девять месяцев и десять дней исчезли из моей жизни и из моего сознания, растворились, растаяли. Я пытался слабеньким своим умишком охватить эту истину, но не мог и оттого чувствовал себя растерянным, слабым и беспомощным, как несмышленый малыш, волею случая заброшенный в мир взрослых и вынужденный понимать и принимать их правила жизни, так отличающиеся от его собственных. Я не мог и не хотел смириться со страшными словами «посттравматическая амнезия», несмотря на уверения доктора по имени Василий Григорьевич, что все не так страшно и что если амнезия действительно является следствием травмы черепа и шока, то она очень скоро пройдет, буквально за несколько дней.

Мне нужно было пережить это новое понимание действительности, и пережить в одиночестве. Единственный человек, которого я хотел видеть, была Муся – мой литературный агент Мария Беловцева. Перед ней мне не стыдно выглядеть растерянным и слабым – она меня и не таким видала, знавали мы и худшие времена. По крайней мере, когда хоронили мою сестру Веру, я был, что называется, «в грязь», плакал, бился в истерике, жить не хотел, а ведь мне было почти сорок. Так что Мусю я не стесняюсь. А вот всех остальных, включая жену Лину и закадычного друга Борьку Викулова, видеть мне пока не хочется.

Однако доктор Василий Григорьевич внес коррективы в мои эгоистические желания. Муси нет в Москве и вообще в России, она уехала с ребенком на десять дней на море, в Египет. Так сказала ее мама, ответившая на телефонный звонок. Лины тоже нет, она, оказывается, уже две недели как находится в Шотландии и предполагает пробыть там еще почти месяц: решила довести до полного совершенства разговорный английский, который просто необходим ей в бизнесе. Наш десятилетний (хотя нет, теперь ему уже двенадцать) сын Женька остался на попечении бабушки, моей мамы, которая ввиду длинных майских праздников тут же радостно схватила любимого внучка и отправилась в Самару пообщаться с подругами юности. После того, как доктор по моей просьбе отработал все номера телефонов, которые я ему дал, выяснилось, что в Москве в данный момент находится только моя дочь от первого брака Светка, которая, услышав о том, что я попал в больницу, тут же вызвалась немедленно приехать. И как выяснилось, добрый дядя доктор такое разрешение ей уже дал, меня не спросив. Надо отдать должное Василию Григорьевичу, он и в самом деле сделал все, что мог: оказалось, что

за последние два года многие номера телефонов изменились, в том числе и номер Мусиного мобильного, но я их уже не помнил…

Справедливости ради следует отметить, что Светкино рвение навестить попавшего в аварию папеньку меня немало удивило. Когда мы с ее матерью развелись, ей было семь лет, и ее жизнепонимания оказалось более чем достаточным, чтобы расставить все точки над i: папа плохой, потому что бросает маму с дочкой, а мама святая. То обстоятельство, что папа ушел от мамы, потому что ему надоело терпеть ее бесконечные любовные похождения на стороне, ребенка никак не смутило, ибо было ему неизвестно. У мамы хватило ума, а у папы совести не афишировать сей нелицеприятный факт. Светка все последующие пятнадцать лет относилась ко мне холодно, с презрительным снисхождением принимая деньги, которые я им привозил, и отказывая мне в нормальном общении. И вдруг такой порыв… Повзрослела, что ли? Или мать наконец-то соизволила поведать ей правду о причинах нашего развода?

Меня раздирали противоречивые чувства. С одной стороны как хорошо было бы, пользуясь ситуацией, наладить отношения с дочерью! Но с другой – ни один нормальный отец не захочет, чтобы ребенок увидел его в подобном состоянии – подавленным, расстроенным, напуганным. Да-да, вот это и есть самое главное: я был напуган. Я боялся неизвестности, я не знал и, как ни силился, не мог вспомнить ничего из того, что произошло после поворота с Садового кольца к Комсомольской площади. Может быть, мы со Светкой за это время нашли общий язык и подружились, а я не помню? Может быть, мы напрочь рассорились с Мусей и она больше не является моим агентом, а я, как дурак, жду ее помощи и надеюсь только на нее? Может быть, Лина развелась со мной и уехала в Шотландию с новым мужем? Или это я с ней развелся? Может, я уже и жениться на ком-нибудь успел? Хорошо бы выяснить, на ком… Может быть, я уже перестал быть самым известным и самым издаваемым писателем России? Я все еще мню себя героем, а на самом деле я давно уже никто. Я не мог понять, чего хочу больше: узнать правду, даже если она убийственно неприятна, или еще какое-то время пребывать в счастливом неведении. И узнать страшно, и не знать страшно. Кажется, в психологии это называется когнитивным диссонансом. Или я что-то путаю? В психологии я не особенно силен, так, коечего нахватался по верхушкам, когда писал книгу о ребятах из службы спасения. Она называлась «Последний шанс» и до сих пор устойчиво сидит в десятке бестселлеров, несмотря на то что первое издание было четыре года назад, а суммарный тираж перевалил за три миллиона экземпляров. Впрочем, почему четыре года назад? Не четыре, а шесть, я все еще продолжаю мыслить категориями девяносто девятого года. И находится ли «Последний шанс» до сих пор в списке бестселлеров, мне неизвестно. Черт возьми, как трудно привыкать к этому новому мышлению!

Наверное, это все-таки хорошо, что все случилось накануне Длинных праздников и никого из моих близких нет в Москве. К тому времени, когда они вернутся, я справлюсь с ужасом и растерянностью, преодолею слабость и наберусь сил для того, чтобы узнать… А может быть, мне повезет и слова доктора окажутся пророческими. Пройдет несколько дней, и я все вспомню. Сам.

Светка ворвалась в палату как ураган. Несмотря на то что мне все еще был противопоказан яркий свет и зашторенные окна поддерживали полумрак, появление дочери оказалось для меня сродни карнавалу – так много красок и блесток было на ее одежде и на ней самой. Блеклая больничная палата тут же расцветилась яркими пятнами оранжевых апельсинов, бордовых гранатов, красочных пакетов с соками и пестрых фантиков шоколадных конфет. И среди всего этого тропического многоцветья махал крылышками и летал по сумрачной палате яркий веселый попугайчик – моя дочь Светлана. Интересно, какой у нее сейчас цвет волос? Когда-то был радикальный зеленый, потом розовый, потом бордовый, а в последний раз ее головка напоминала яичный желток. Но последний раз, как я теперь понимаю, был два года назад. Изменилось

ли что-нибудь? Да нет, не похоже, света недостаточно, чтобы точно определить, во что теперь выкрашен мой попугайчик, но то, что волосы у нее не русые, каковыми наградила ее природа, это точно. Ну, почти точно. И блестящие точки – это, несомненно, те самые металлические шарики, которые торчали и раньше у нее в ушах и на крыльях носа.

– Пап, а ты что, правда, ничего не помнишь? – начала она с места в карьер.

Признаться, я почувствовал себя оскорбленным. Ни «здрасьте», ни «как ты себя чувствуешь», ни слов сопереживания и ободрения. Но откуда она узнала? Неужели Василий Григорьевич ей сказал о моей амнезии? Ну да, наверное, он, ведь я не успел предупредить его, что хотел бы пока сохранить это в тайне.

– Кто тебе сказал? – строго спросил я, пытаясь сесть на кровати, дабы не выглядеть совсем уж беспомощным инвалидом.

– Мне – доктор, когда звонил. А вообще-то все знают. Ты что! Там внизу знаешь, что делается? Толпы!

– Где – внизу? Какие толпы?

– Твои поклонники из числа местных, на встречу с которыми ты не доехал. Дежурят по очереди, они мне сами сказали, я с ними только что разговаривала. Волнуются, как ты да что ты. Им кто-то из медсестер сказал, что ты потерял память, так они уже два дня возле больницы тусуются, все обсуждают, как ты теперь жить будешь и сможешь ли книжки писать. Друг другу «Просто Марию» пересказывают и гадают, у тебя так же, как у Марии, или как-то по-другому.

– Какую Марию? – не понял я.

– Ну сериал такой был, мексиканский, что ли, или бразильский. Вот, а еще там журналисты пасутся, им тоже кто-то сообщил и про аварию, и про потерю памяти, и они ждут, когда можно будет урвать кусочек информации. Врачи-то молчат как партизаны, и сестры тоже, им, видно, внушение сделали после того, как поклонники начали больницу осаждать. В общем, пап, во всех газетах уже про тебя написали, но без подробностей. Теперь ждут деталей.

Светка говорила быстро и возбужденно, и даже в сумраке мне было видно, как блестят ее глаза. Как только она выйдет отсюда, на нее набросятся журналисты, она ведь не медик и тайну хранить не обязана. И я точно знал, что она ее хранить не будет.

– Как твои дела? – как можно спокойнее спросил я, пытаясь увести разговор от проблем моей провалившейся памяти.

– А, какие там дела! – она беззаботно махнула рукой. – За неделю ничего существенного не произошло, а все остальное ты и так знаешь.

Выходит, я виделся с ней неделю назад. Интересно, при каких обстоятельствах? Приходил к ним домой, давал очередную порцию денег? Или встречался с дочерью отдельно?

– Ну, всякое бывает, – осторожно ответил я, в полном тумане нащупывая ногой тропинку. – За неделю ты и замуж могла выйти, и институт бросить.

– Пап, ты что?

Глаза у Светки расширились, потом внезапно сузились и превратились в щелочки, сквозь которые едва пробивался блеск светлых глаз. Попугайчик сел на веточку и склонил набок пеструю головку, обдумывая ситуацию.

– Ты что, – медленно произнесла она, – и в самом деле ничего не помнишь?

Я счел за благо промолчать. Пусть думает, как хочет.

– Может, ты удивляешься, что я к тебе примчалась? Не понимаешь, почему это я столько лет на тебя дулась, а тут вдруг прилетела?

Я продолжал молчать, потому что вопросы моя дочь ставила абсолютно правильные, и это наглядно свидетельствовало о том, что она вовсе не так глупа, как я о ней думал.

– Все ясно, – она вздохнула. – Ты действительно не помнишь. Ну хотя бы как мы с тобой встречались в Александровском саду, ты помнишь?

– Нет, – наконец признался я. – Когда это было?

– Осенью, в октябре. Я сама тебе позвонила и попросила, чтобы ты со мной встретился один на один, без мамы. Мне нужно было с тобой посоветоваться.

– И как, посоветовалась?

– Да. Я тебе все рассказала, объяснила, почему не могу рассчитывать на маму, на ее понимание. Ты обещал мне помочь. И я тогда вдруг поняла, что ты мне очень близкий и родной человек и что я была такая дура, когда отворачивалась от тебя. Мама меня не понимает, а ты понял сразу. Ты пообещал все устроить. Я так надеялась… Мы надеялись… А ты, выходит, все забыл.

– Ну так напомни мне, – предложил я.

Оказывается, моя дочь действительно бросила институт, тут я попал в точку, хотя тыкал пальцем в небо. Уже на четвертом курсе она вдруг ни с того ни с сего поняла, что выбранная профессия ей не интересна, она больше не хочет быть экономистом, а мечтает найти себя в продюсировании музыкальных проектов. И она теперь любит некоего Гарика, безумно талантливого музыканта, за которого собирается выйти замуж. Но для настоящей раскрутки этого дивного самородка необходимо поехать в Англию и там на хорошей студии записать два его диска. То есть для начала надо бы написать песни и композиции, чтобы хватило на два часа звучания, для чего нужно создать условия для творческого процесса. А потом уже договариваться с англичанами, оплачивать студию и работу технического персонала и записывать диски. Потом нужно сделать клип и пропихнуть его на телевидение. Клип надо заказывать у хорошего клипмейкера, а хороший – значит, дорогой. Я с пониманием отнесся к творческим исканиям любимой дочери, пожелал ей счастья в личной жизни и успехов на новом поприще и пообещал, во-первых, ничего не говорить ее матери, а во-вторых, дать денег. Много. Чтобы хватило на жизнь в период творческих исканий, на запись дисков и на создание клипа. И в-третьих, когда клип будет готов, использовать свои многочисленные связи на телевидении и пристроить клип на один из телеканалов. Ну застрелите меня, если я помню хоть что-то из рассказанного Светкой!

– И сколько денег я тебе уже дал? – поинтересовался я.

– Пока нисколько. То есть ты дал штуку баксов, чтобы мы с Гариком пока перекантовались, и сказал, что в январе ты сдашь в издательство новую книгу, получишь гонорар и дашь все остальное.

– Дал?

– Нет.

– Почему?

– Не знаю, – Светка жалобно вздохнула.

– Может, я книгу не сдал? Не дописал ее?

– Да ты что, пап, она вышла уже, на всех лотках продается.

– «Время дизайна»? – уточнил я на всякий случай, чтобы понимать, о какой книге идет речь.

– Ну пап, ну ты что? «Время дизайна» еще в девяносто девятом году вышла. А после нее ты новую книгу написал, про риэлтеров, которые квартиры продают. Забыл?

Забыл. Вот ужас-то! Помню, что писал книгу про дизайнеров, и как раз хотел ударными темпами ее закончить, потому и решил уединиться на несколько недель в загородном доме. Оказывается, я ее дописал, и она уже давно вышла, а я после этого успел сваять еще что-то, и это что-то тоже вышло. Боже мой, в каком кошмаре я оказался!

– Как называется новая книга?

– «Треугольный метр».

Значит, «Треугольный метр»… Это словосочетание не пробудило во мне ни малейших движений памяти. Клетки мозга даже не шевельнулись. Да полно, вправду ли я написал эту книгу? Неужели так бывает, что можно работать над чем-то многие месяцы, собирать материал,

обдумывать, выстраивать интригу, вникать в души героев, страдать и радоваться вместе с ними и потом даже не вспомнить ни одного слова из написанного? Меня внезапно зазнобило.

– Все равно не понимаю, – я поежился и поплотнее закутался в одеяло, – почему я сразу не дал тебе денег, если уж обещал? Зачем мне нужно было ждать гонорар? У меня же есть эти деньги. Может, ты не все мне рассказала?

Светка явно смутилась, глаза снова сузились, как всегда бывало, когда она собиралась говорить о неприятном.

– Ты сказал, что это должно быть нашей общей тайной. Что, мол, женщинам доверять нельзя и, если твоя Лина узнает, что ты дал мне такую кучу денег, она, во-первых, будет недовольна и устроит тебе скандал, а во-вторых, она обязательно скажет моей маме. Они же знакомы. Если ты возьмешь эти деньги из дома или снимешь со счета, Лина сразу увидит. Ты сказал, что тебе проще сказать ей, будто за новую книгу ты получил меньше, потому что переходишь с издателем на новую систему расчетов, сначала маленький аванс, а потом потиражные. Дескать, Лина все равно тиражи отследить не сможет, у нее своих забот хватает. Ну, может, я что-то не так поняла, я в ваших издательских делах не разбираюсь, но ты определенно сказал, что деньги дашь, когда сдашь рукопись, иначе Лина узнает. Пап…

– Да, доченька?

– Мы с Гариком очень надеялись, ты же нам твердо пообещал. И Гарик тебе так понравился.

– Что, я и с Гариком знаком?

– Ну конечно! Ты сказал, что должен сам сначала послушать его музыку, чтобы понять, действительно ли он так талантлив или мне любовь глаза застилает. Я вас познакомила, Гарик сыграл тебе несколько композиций, тебе страшно понравилось, и ты сказал, что обязательно поможешь нам с этим проектом. Ты что, передумал? Я стеснялась тебе напоминать, но ты в январе денег не дал, и в феврале тоже, и в марте.

– Света, мне трудно ответить на твой вопрос.

– Но почему?

Я начал злиться. Что значит «почему»? Откуда я знаю, почему не дал ей денег, которые обещал! Да не помню я почему! Может, у меня были какие-то причины, какие-то обстоятельства, но выяснить это я смогу только тогда, когда восстановлю в памяти последние год, девять месяцев и десять дней, сложу по кирпичику, соберу всю конструкцию до мельчайшего атома. Или по рассказам очевидцев, или сам вспомню. Пока этого не произойдет, я не смогу ответить ни на один вопрос дочери.

– Я не знаю, – жестко ответил я. – Я не помню. Не спрашивай меня о причинах моих поступков, я их забыл. Если я обещал тебе деньги, я тебе их дам. Извини, что с опозданием.

– Не сердись, – Светка присела рядом со мной на постель, прекратив наконец энергичные перемещения взад-вперед по тесной палате. – Спасибо, что не подвел нас. Чем тебе помочь? Что я могу для тебя сделать? Врачей каких-нибудь организовать, лекарства? Или продукты, может, нужны? Ты только скажи, я все сделаю.

– Ничего не нужно, ты и так всего понавезла, мне за неделю не съесть. От тебя нужно только одно: не трепаться насчет меня. Я могу на тебя положиться?

– Ну а то!

Дочь прижалась ко мне, и в нос ударил запах духов, которые я терпеть не мог, они отчего-то напоминали мне дешевый освежитель воздуха в общественном сортире. Я невольно поморщился и отстранился. Светка тут же вскочила.

– Я побегу, ладно? Электрички редко ходят, если я сейчас опоздаю, то следующая только через два часа.

– Конечно, беги, – произнес я, стыдясь самому себе признаться, что испытываю облегчение. Панический ужас и чувство полной беспомощности перед неизвестным и оттого таящим

множество опасностей миром снова охватило меня, и мне хотелось только одного: быть одному и ни с кем не общаться. Пока я один, я могу тешить себя иллюзией, что все в порядке, что сейчас июль девяносто девятого года, и ничего нет такого в моей жизни, о чем я не знал бы. Каждый человек, входящий в мою палату, был потенциальным источником страха, особенно если это не чужой человек, а кто-то, кто хоть что-то знает о моей жизни в течение последних без малого двух лет. Он знает то, чего не знаю я сам о себе. Только тот, кто побывал в моей шкуре, поймет, до какой степени это неприятно.

Я довольно быстро приходил в себя и восстанавливал силы, голова все еще побаливала, но уже почти не кружилась, тошнота прошла окончательно. Мне повезло, я отделался ушибом головного мозга, сильным, но не опасным, все кости черепа целы. Дважды ко мне приходили сотрудники ГИБДД и следователь, но их визиты можно было считать чистой формальностью, ведь обстоятельств столкновения с джипом, равно как и самого джипа, я не помнил. Мою разбитую машину они при помощи эвакуатора сначала приволокли на какую-то платную стоянку, но потом, проникнувшись значимостью моей персоны, сказали, что денег не возьмут.

Василий Григорьевич с большим энтузиазмом следил за моим быстрым выздоровлением, и мне все время казалось, что он хочет затеять какой-то разговор со мной, но стесняется. Так и вышло. Разговор состоялся, но не с ним, а с главврачом больницы, полной немолодой дамой со злыми глазами. Странно, мне всегда казалось, что полные люди обязательно должны быть добрыми… Своим рыхлым бесформенным телом она отчего-то напоминала мне медузу, колышущуюся на тихих волнах холодного моря. Любое проявление злости всегда вызывало во мне ощущение холода.

– Андрей Михайлович, вы нуждаетесь в более квалифицированном уходе, чем мы можем обеспечить вам в условиях нашей больницы, – заявила главврач. Я слушал ее пока еще спокойный и уверенный голос и мысленно представлял себе одноцветную медузу, такую серо-голубую, матовую, без всяких переливов. – Вы сами понимаете, у нас и аппаратуры нет диагностической, и лекарств. Мы вас лечим на глазок, а это чревато тем, что мы чего-то не увидим, что-то пропустим. Вам нужно подумать о том, чтобы лечь в хорошую клинику в Москве.

Вот этого-то мне как раз и не хотелось! Вернее, я ничего не имел против хорошей клиники, но совершенно не знал, как это организовать. Была бы рядом Муся – и я давно уже лежал бы в каком-нибудь платном отделении, и над моей пострадавшей головой изо всех сил трудились бы самые лучшие врачи. Но Муси не было. И жены Лины не было тоже. Правда, был Борис, друг детства, энергичный, оборотистый, имеющий всякие связи, но по тем телефонам, которые я помнил, его не нашли, а прилагать усилия к тому, чтобы разыскать его или кого-то еще, означало бы так или иначе обнародовать свое беспамятство. Почти два года – это много, это очень много, и в разговорах с людьми я непременно выдам себя. Можно было бы обратиться к моему издателю, он бы наверняка все устроил, но и это не казалось мне безопасным: а вдруг за эти два года я испортил с ним отношения до такой степени, что обращаться с какими бы то ни было просьбами просто неприлично? Может быть, у меня вообще уже другой издатель? О ком бы я ни подумал, рассуждения неизбежно приводили меня к одному и тому же результату: я не знаю, могу ли обратиться к этому человеку, могу ли ему доверять? Даже в Мусе я уже не был уверен, все-таки два года – это и впрямь немало. Поэтому я решил отлежаться в этой богом забытой больничке, пока все как-то не устаканится и не прояснится само собой.

– Меня вполне устраивает и уход, и лечение, – возразил я.

– Вас – возможно, – медуза приобрела серо-стальной оттенок, отливающий чем-то ледяным, видно, злости в главвраче прибавилось. – Но для нас ваше пребывание здесь создает большие проблемы. Вы сами должны понимать, Андрей Михайлович, для нас, конечно, большая честь оказать посильную медицинскую помощь такому известному человеку, но это становится для нас неподъемным бременем. В том числе и бременем ответственности. У нас устаревшее

оборудование, нет необходимых препаратов. На приобретение всего этого просто нет средств. Вы сами понимаете, в каком состоянии сейчас государственная медицина. Без спонсорской помощи невозможно существовать…

Ну да, естественно, залечить до смерти деревенского пенсионера им не так страшно, все равно никто разбираться не будет и жаловаться не станет. А если со мной что не так выйдет, им головы не сносить. И про спонсорскую помощь она не зря ввернула. Намекает, стало быть. А что я могу сделать, чем ответить на этот намек? Я ведь понятия не имею, есть ли у меня деньги, и если есть, то сколько. Светке-то я денег не дал, и, очевидно, не без причины. Может, я сейчас банкрот. Может, Лина затеяла какой-нибудь бизнес-проект, вложила в него все, что у нас было, да еще подзаняла, и прогорела, а в Шотландию укатила не английским заниматься, а от кредиторов прятаться. И я теперь не могу никому даже трех рублей пообещать, ибо у меня их просто нет.

Но чего она так боится, эта толстая тетка в очках? Ведь я иду на поправку, осложнений у меня никаких нет. Или она чего-то недоговаривает? И травму я получил куда более серьезную, чем мне объявили?

– Со мной что-то не так? – озабоченно спросил я. – Вас беспокоит мое здоровье?

– И здоровье тоже. Но не только это.

– Что еще? – нахмурился я.

– Андрей Михайлович, для того, чтобы обеспечить вам отдельную палату, нам пришлось положить в коридор восьмерых тяжелых больных. И то только потому, что перед праздниками многие выписались, ведь начинаются посадки на участках, людям нужно позаботиться о своих огородах. С десятого мая снова начнется наплыв больных, и без палаты, которую вы занимаете один, нам уже не обойтись. У нас четыре палаты в аварийном состоянии, и, если бы могли их отремонтировать и задействовать, появилась бы возможность оставить вас одного. Но денег на ремонт нет. Кроме того, перед больницей постоянно толпятся люди, пристают к персоналу, пытаются проникнуть внутрь, пробраться к вам в палату. Нам это мешает.

Н-да, нажим на мой кошелек ощущается все явственнее. Серо-стальной цвет медузьего тельца начал постепенно разбавляться розовыми и салатовыми полосками более теплых оттенков, вероятно, оттого, что главврач искала аргументы, которые убедили бы меня, и поэтому забыла о жестком тоне, переключившись на доводы разума или, на худой конец, эмоции.

– Короче говоря, вы хотите, чтобы я освободил вас от своего присутствия, – сухо констатировал я.

– Это грубо по форме, но верно по смыслу, – одобрительно кивнула главврач, после чего моя медузка запереливалась всеми цветами радуги. Однако оттенки пока еще были в основном холодными. – Первую помощь мы вам оказали, и теперь вам пора перебираться в более подходящее место.

– Но вы не имеете права меня выгонять, я болен.

– Ну что вы, Андрей Михайлович, – ее голос чуть смягчился, на медузкином теле проступили пятна теплого терракотового отлива, – никто вас не выгоняет. Я всего лишь прошу вас принять во внимание, с какими трудностями мы сталкиваемся в связи с вашей госпитализацией. Если вы хотите остаться здесь, вам придется лежать в одной палате с пятнадцатью другими больными. Вас это устроит?

Хороший вопрос. Хотел бы я посмотреть на человека, которого это устроило бы. Они не хотят со мной возиться, они боятся скандала, если вдруг что не так, но готовы пойти на риск, если я окажу спонсорскую помощь. А коль не окажу, то и они забесплатно рисковать не хотят. Что ж, разумно. Во всяком случае, я Медузу понимал.

– Давайте договоримся так: я полежу у вас еще несколько дней, пока не начнут возвращаться с огородов ваши пациенты. За это время, я надеюсь, объявится кто-нибудь из моих близких и все устроит.

– Я сама могу все устроить, – с готовностью отозвалась главврач. – Обзвоню московские клиники, узнаю, где самые лучшие невропатологи, где хорошие условия. Мы дадим вам транспорт, чтобы вы могли доехать до места. Нужно только, чтобы вы мне сказали, о какой сумме может идти речь. Сколько денег вы можете потратить на клинику? Я так понимаю, что в бесплатном отделении вы лежать не захотите, там и уход куда хуже, и условия, и питание, и отдельных палат нет. Назовите мне сумму, и уже завтра вы будете лежать в прекрасной больнице и есть на завтрак бутерброды с икрой.

Назовите сумму… Легко сказать. Я даже не знаю, что у меня сейчас происходит с деньгами. Если я действительно сдал в январе новую книгу, то должен был получить гонорар, но ведь я не дал денег Светке, значит, возникли какие-то проблемы. Какие? Деньги понадобились на что-то другое, более важное? Возможно. Но на что? И сколько? Я понятия не имею, что делается сейчас с моими счетами и с наличными, которые хранятся дома. И не узнаю до тех пор, пока либо сам не вспомню, либо не появится человек, который в курсе моих финансовых дел. А кто может быть таким человеком? Жена Лина? Да, если она у все еще моя жена. Муся Беловцева? Да, если она все еще мой литагент. Слишком много «если». И слишком много неизвестности. А эта толстая баба, сидящая на стуле напротив моей койки, не желает этого понимать. Может быть, она вообще не понимает, что такое амнезия, что такое пропасть, в которую провалились два года твоей жизни? Она думает, что мне легко принять решение. Если бы так!

– Поймите меня правильно, – я выбирал слова осторожно и боязливо, чтобы не обидеть главврача и не нарваться на суровую отповедь, – я буду с вами откровенен, потому что вы врач. Вы знаете, что я потерял память. Постарайтесь встать на мое место и вам сразу станет очевидным, что я не могу принимать никаких решений, ибо не знаю, во что превратилась моя жизнь за последние два года. Скажу вам честно, я даже не знаю, сколько у меня денег и есть ли они вообще. Я искренне сожалею что мое пребывание в вашей больнице приносит вам одни проблемы, но я прошу вас не выгонять меня хотя бы еще несколько дней. Люди, которые могут нам с вами помочь, появятся сразу после десятого мая, и тогда, я уверен, мы решим все вопросы. Но если говорить совсем честно, я не могу быть полностью уверен, что такие люди есть. За два года много всякого могло случиться. Сегодня я рассчитываю на помощь одних людей, а на самом деле ее окажут совсем другие, и я даже не догадываюсь, кто это может быть. Если бы память вернулась, все было бы намного легче и проще. Я обещаю вам, что, если с моим здоровьем что-то не так, если ваши доктора что-то просмотрели или упустили, я никогда и никуда не буду жаловаться, я даже словом не обмолвлюсь об этом. Я вам твердо это обещаю.

– Ну хорошо, – она вздохнула, и жест, которым она поправила прическу, недвусмысленно показал, что на голове у нее парик. Медуза в парике. Классно. Просто классно! Помнится, лет эдак пять назад я написал пьесу, ужасно смешную комедию, но никак не мог придумать к ней подходящего названия. Мучился, мучился, так и не придумал, а потом и вовсе забросил мысль о публикации пьесы, увлекся созданием очередного бестселлера. Теперь название есть, можно будет предложить издателю. «Медуза в парике». Я на несколько мгновений даже отвлекся от того, что талдычила мне толстуха-главврач, и с некоторым усилием вновь включился в разговор. – Допустим, вы меня убедили. Но что делать с людьми, которые осаждают больницу? Они действительно мешают работать. Кроме того, среди них есть не только местные журналисты, из Талдома, но и московские. Они хотят написать о вас, но, поскольку никакой информации о знаменитом Корине они получить не могут, а оправдать свое пребывание здесь им нужно, вы понимаете, о чем они будут писать?

– О чем?

– О том, что писатель Корин лежит в талдомской больнице, в которой… и далее везде. Понимаете? Мы бедны, да, об этом знают все местные жители и мирятся с тем, что в палатах по шестнадцать человек, что туалет один на этаж и что не хватает санитарок, чтобы поддерживать все это в чистоте, и нет сантехников и электриков, чтобы все работало, и нет краски, чтобы

все выглядело, не говоря уже о хотя бы пластиковых панелях на стены. Ну, а уж о том, что нет лекарств и оборудования, вообще никто не заикается. Но я не хочу, чтобы во всех газетах поливали грязью нашу больницу просто потому, что надо что-то написать о вас. И что с этим делать?

Действительно, что с этим делать? Я не знал. Но позицию главврача в этом пункте понимал и полностью разделял.

– У вас есть предложения? – аккуратно поинтересовался я.

– Я предложила бы вам впустить в палату журналистов и дать интервью. Ответить на все их вопросы, дать им пищу для писанины, и пусть уезжают отсюда.

Ага, конечно. Впустить их сюда, рассказать, что я потерял память, оповестить об этом всю общественность. А если скрыть амнезию? Светка сказала, что о потере памяти и так все знают, но ведь можно заявить, что память восстановилась и теперь все в порядке. Соблазнительно, конечно, но вряд ли выполнимо, ведь я ни на один вопрос толком ответить не смогу. Господи, какая же огромная дырища – один год, девять месяцев и десять дней! Все в нее проваливается, буквально все, любая попытка что-то понять, принять элементарное решение, ответить на простейший вопрос. А может быть, я зря паникую? В конце концов, что страшного случится, если все узнают, что я потерял память? Амнезия – не сифилис и не СПИД, не наркомания и не некрофилия, почему я должен ее стесняться? Это несчастный случай, следствие травмы и шока. Может, я излишне горожу огород?

Нет, не хочу я афишировать проблемы с памятью. Я вдруг понял почему. Я боюсь оказаться смешным. Боюсь выглядеть нелепым. Ведь я действительно не знаю, во что превратилась моя жизнь за эти два года. И буду разговаривать с журналистами как Корин девяносто девятого года издания. А каков он, Корин две тысячи первого года выпуска? Ведь я даже не знаю, как пресса приняла «Время дизайна» и этот… как его… «Треугольный метр», из которого я не помню ни единого слова, ни одной мысли. Может, меня на протяжении двух лет громили в пух и прах и смешивали с грязью, может быть, я огрызался, или, наоборот, отмалчивался, или снисходительно комментировал происходящее. В любом случае я не могу встречаться с журналистами до тех пор, пока не узнаю, какой выбрать тон, чтобы не выглядеть совершенно по-идиотски.

– К сожалению, я не могу дать интервью, – грустно признался я. – Это совершенно невозможно. Может быть, вы сможете покривить душой, поговорить с ними и что-нибудь придумать?

– Что, например?

– Ну, что состояние у меня очень тяжелое, пускать ко мне никого нельзя, но память полностью восстановилась, как и прогнозировал лечащий врач. Добавьте какие-нибудь подробности о том, как я общаюсь с персоналом, какой я душка, как меня обожают медсестры, как мужественно я держусь и как мне здесь нравится. Так сильно нравится, что я даже перебираться в другую больницу не хочу.

– А вы потом не станете это опровергать и говорить, что это все вранье? – она глянула подозрительно, но, вместе с тем, напряженные мышцы лица заметно расслабились. Видно, такой вариант ей показался вполне симпатичным. У моей суровой медузищи явно наличествует чувство юмора, во всяком случае, рыхлая желеобразная поверхность ее вдруг стала полосатой, а по краям – в прелестный провинциальный горошек. Развеселилась, видать.

– Обещаю, – твердо сказал я. – Если хотите, могу заявить это в присутствии всего персонала и подтвердить в письменном виде.

– Надеюсь, это не понадобится, – скупо улыбнулась главврач и унесла мою славную медузочку, к которой я уже почти привык.

Определенно, сложившаяся в детстве привычка видеть и слышать людей при помощи образов из мира флоры и фауны сильно помогает в жизни. Во всяком случае, мне.

ГЛАВА 2

– Какой кошмар! Я немедленно переведу тебя в другое место, более пристойное.

– Мне и здесь отлично, – я пытался сопротивляться, но понимал, что все мои жалкие потуги не имеют смысла. Спорить с матушкой я не мог. Не умел, что ли? Или смелости не хватало? Всю жизнь это было одной из моих проблем.

Она появилась внезапно, ворвалась в палату с лицом, одновременно выражающим скорбь и праведное негодование. Опытным взглядом и умелыми руками хирурга с многолетним стажем она, бросившись ко мне, быстро провела первичный осмотр и успокоилась только тогда, когда не обнаружила на моем теле ни рваных ран, ни переломов. Только синяки и ушибы, на вид, правда, весьма устрашающие, но совершенно не опасные для жизни и здоровья. Матушка у меня, между прочим, действительно хирург, и, говорят, хороший, хотя мне на собственной шкуре испытывать ее мастерство, к счастью, не приходилось.

– Почему ты мне не сообщил? – гневно вопрошала она. – Почему о том, что случилось с моим сыном, я должна узнавать из газет? Верочка так никогда не поступила бы. Кто у тебя есть на этом свете ближе матери?

Ну вот, так я и знал. По крайней мере ясно одно: за без малого два года матушка не утратила привычку сравнивать меня с покойной дочерью, моей сестрой. Я безумно любил Веру, отчаянно страдал, когда она умерла, я согласен с тем, что она была лучше меня, добрее, тоньше. Да, все это так, но нельзя же теперь до скончания моей собственной жизни выслушивать упреки в том, что я не такой, как она?

– Мама, ты ведь уехала в Самару. Как я мог тебя найти?

– Не выкручивайся! Я оставила тебе все телефоны, ты, между прочим, сам на этом настаивал. Ты хотел иметь возможность разговаривать с сыном каждый день. Ты же считаешь, что без общения с тобой Женечка пропадет.

Надо же, она оставила мне все телефоны своих приятельниц, у которых собиралась гостить. А я и не помню!

– Не помню, – произнес я вслух. – Я все забыл.

– Не выдумывай! – Безапелляционности моей матушки можно было только позавидовать. – О том, что я уехала в Самару, ты ведь прекрасно помнишь. Ты всегда умеешь помнить только о том, что тебя устраивает, а о том, что нарушает твои планы, ты с удовольствием забываешь. Верочка такой не была.

– О том, что ты в Самаре, я узнал от врача, который звонил тебе на работу. Слава богу, дежурная медсестра в отделении оказалась в курсе, куда ты уехала. А ты-то как узнала про меня?

– Я же сказала: из газет. Почти во всех было краткое сообщение о том, что ты попал в аварию и лежишь в больнице в Талдоме. Я тут же примчалась.

– А Женька? Он тоже вернулся с тобой?

– Естественно. Я не стала брать его с собой сюда, ведь неизвестно, в каком состоянии я бы тебя застала, незачем ребенка травмировать.

Это правильно, травмировать двенадцатилетнего пацана вовсе ни к чему. Редкий случай, когда я был полностью согласен с мамой. Но все-таки… Я помню сына десятилетним. А теперь ему уже двенадцать. Каким он стал? Сильно ли вырос? Повзрослел ли? Что ему теперь интересно, чем занимается на досуге, как учится в школе?

– Мама, у тебя нет случайно Женькиной фотографии с собой?

Взгляд ее потеплел, даже морщины разгладились.

– Соскучился? – понимающе спросила она. – Конечно, есть.

Она полезла в сумку, достала записную книжку, а оттуда – снимок, девять на двенадцать. На фотографии крепкий широкоплечий мальчишка с копной пшеничных слегка вьющихся волос, одетый в ярко-красный горнолыжный комбинезон, стоял на склоне горы с лыжными палками в руках. В горле встал ком, и я непроизвольно пробормотал вслух то, что думал:

– Какой же он стал красивый! И совсем большой! Где это он? Он теперь катается на горных лыжах?

– Да что ты, Андрюша! Это же Лина возила его в Швейцарию в январе, на каникулах. Побойся бога, у вас дома стоит в рамке точно такая же фотография, а ты как будто в первый раз ее видишь…

Она осеклась и внимательно посмотрела на меня, буравя недоверчивым взглядом.

– Как будто в первый раз, – эхом откликнулся я. Только тут до матушки наконец начало доходить то, что ей сказал доктор Василий Григорьевич. Он обязательно должен был ей об этом сказать, ведь она наверняка разговаривала с ним, прежде чем явиться в палату, в этом, зная ее характер, можно было даже не сомневаться. Что ж, гены, как говорится, в форточку не выкинешь, если мама упрекала меня в том, что я с удовольствием забываю о том, о чем не хочу помнить, то она с не меньшим удовольствием не слышит то, чего не хочет слышать. Наследственность, однако! А может, результат воспитания? Какой пример видел с детства, такому и подражаю.

– Сыночек… – ее голос так явственно задрожал, что мне захотелось тут же броситься к ней, обнять, прижать к себе, утешить. – Так ты действительно ничего не помнишь?

– Ничего, – подтвердил я, стараясь казаться спокойным и даже веселым, дабы не нагнетать трагизм и не расстраивать ее. – За последний год и девять месяцев – ничегошеньки. С восемнадцатого июля девяносто девятого до двадцать седьмого апреля нынешнего года.

Мама наконец перестала изображать фонтан, из которого вместо воды брызжет чистая энергия пополам с критичностью, села на стул, оперлась подбородком на руки, сложенные на высокой спинке моей кровати.

– Это ужасно. Ты получил серьезную травму черепа, тебе необходимо квалифицированное лечение. Я немедленно займусь твоим переводом в лучшую клинику Москвы. Лина знает?

– Наверное, нет. Если только из газет, как и ты.

– А кто вообще знает о том, что ты в больнице?

– Светка. Она приезжала ко мне.

– Ну, от Светки проку никакого, что она может организовать толкового? Она еще совсем ребенок. Ты Борису сообщил?

– Нет. У меня нет его новых телефонов, я помню только старые.

– Неудивительно, что ты до сих пор прозябаешь в этой дыре! Вот случилось несчастье – и о тебе совершенно некому позаботиться, кроме матери. Борис, между прочим, тоже наверняка читает газеты, однако не примчался к тебе на помощь. Ты наивно полагаешь, что тебя все любят, а на деле выходит, что люблю тебя только я одна!

И это тоже было одной из старых привычных песен. Слушая маму, я постепенно успокаивался. Лина возила Женьку в Швейцарию, и у нас дома висит фотография. У НАС ДОМА. Значит, у нас с Линой по-прежнему общий дом, она не ушла от меня, я не бросил ее. Уже хорошо. Мама разговаривает со мной, как прежде, стало быть, в наших отношениях ничего не изменилось. Моя мама – человек, щедро наделенный пессимизмом и обогащенный знаниями о московских больницах, стало быть, она собирается меня устраивайте в платную клинику, а коль так – мои финансовые дела вовсе не плохи, раз она полагает, что я смогу за это заплатить. О том, что у меня происходит с деньгами, матушка всегда бывала приблизительно осведомлена. Похоже, два года – это не такой уж большой срок, чтобы жизнь могла перевернуться как-то кардинально. Может, я зря боюсь?

Через два дня я обустраивался на новом месте. Просторная комната, больше похожая на гостиничный номер, с телефоном, телевизором, холодильником, собственным санузлом и даже с балконом. Два окна, выходящие на красивый ухоженный парк, Утопающий в нежно-зеленом мареве юной листвы. Безупречно вежливый персонал. Отменная кормежка. Ну и все к этому прилагающееся в виде фитнес-центра, бассейна, сауны, теннисного корта, массажистов, водолечебницы и чего-то еще, что я не запомнил с первого раза, когда на меня обрушили поток новой информации. Находилось все это благолепие в ближнем Подмосковье и имело, насколько я понял, два отдельных сектора: один – для очень, ну просто очень заслуженных ветеранов, которых государство обеспечивало высококачественным, но бесплатным медицинским обслуживанием, другой – для всех, кто может платить.

После общения с матушкой я слегка приободрился и решил разработать собственную программу выхода из кризиса. Цель программы – заставить мозг вспомнить исчезнувшие невесть куда год и девять месяцев. Пути достижения цели – объективный и субъективный. Объективный путь – это сбор информации о том, что реально происходило за минувшие два года, иными словами – чтение газет и журналов за весь «темный» период. Субъективный – тщательное, вдумчивое прочтение двух своих книг, той, которую я к моменту поворота с Садового кольца написал только наполовину, и второй, про риэлтеров. Я был уверен, что, поймав ту эмоциональную волну, на которой писались книги, проникнув в мысли, которые заложены в тексте, я восстановлю свое состояние и себя самого на тот забытый период.

План был, вероятно, хорош, но проверить его эффективность оказалось не так легко. Читать я не мог. То есть мог, конечно, но только крупный шрифт, при хорошем освещении и недолго. Об этом меня предупреждал и талдомский доктор Василий Григорьевич, дескать, от чтения будет первое время болеть голова, но я не поверил. Как это так – от чтения голова будет болеть? Я с детства был книжным мальчиком, для меня страницы с буквами, складывающимися в волшебные слова, из которых сплетается чудесная, увлекательная, неповторимая история, – это святое, это источник восторга и слез, это ни с чем не сравнимое чувство, которое появляется, когда вдруг начинает казаться, что ты проник в тайный смысл текста, в душу автора, что ты видишь, слышишь и осязаешь его скрытую боль, его личные сомнения и его собственные открытия. Чтение – это счастье а разве от счастья может болеть голова?

Выяснилось, что может, и еще как! По моей просьбе матушка привезла две мои последние книги, а также ворох газет и журналов, собранных с миру по нитке в ее квартире и у знакомых. Ворох был внушительным, но одолеть мне удалось всего две газеты и один журнал за четыре дня. Я выяснил, что у нас уже больше года новый президент и новое правительство, узнал кое-что из деловой и светской хроники, убедился, что курс доллара по-прежнему растет, но ни к каким существенным выводам меня это не подвинуло. Я понимал, что две газеты и один журнал – это ничтожно мало, но ускорить темп информационного насыщения собственной продырявленной памяти не мог.

Попробовал переключиться на свои книги, все-таки в них шрифт покрупнее, но дело двигалось ужасающе медленно. Начал я с «Времени дизайна» и, как порядочный читатель, читал с самого начала. Время шло, а я так и не добрался до того места, на котором остановился перед тем, как собрался осесть на даче…

Новый доктор Эмма Викторовна отнеслась ко мне с полным, можно сказать, пониманием. Правда, я так и не смог определить, было ли это понимание следствием ее высокого профессионализма и уважения к страданиям больного или же проистекало из высокой платы за пребывание в клинике. Она честно заявила, что лечить меня в стационаре бессмысленно, так как проведенное на самой лучшей диагностической аппаратуре обследование показало, что полученная мною травма не является тяжелой и я вполне могу находиться дома. Более того, мне совсем не обязательно все время лежать, я уже могу вставать, ходить и гулять по парку, если голова не кружится. Голова не кружилась, но гулять мне не хотелось. Мне даже из

палаты выходить не хотелось. Мне было страшно. Я считал сначала дни, а потом уже и часы, оставшиеся до появления Муси Беловцевой. Только она скажет мне, остался ли я по-прежнему знаменитым Андреем Кориным. И только она знает точно, в каком состоянии мои финансовые дела. Только она скажет мне правду.

– Ты принял правильное решение. Тебе не нужно себя насиловать, если ты чувствуешь неуверенность. И твоя мама совершенно права.

Мама-то права, только по-своему. Она беспокоится о моем здоровье и считает, что мне нужно находиться под присмотром врачей. Я о своем здоровье не пекусь, пребываю в уверенности, что на мне пахать можно, но выходить из клиники не хочу до тех пор, пока не перестану бояться. Мама этого не понимает, а вот Муся поняла сразу. Как хорошо, что она наконец приехала! Пухленькая, кругленькая, она напоминала мне пушистую персидскую кошку, которая была у нас, когда я еще учился в школе. Эта голубоглазая абсолютно независимая особа могла часами лежать то на брюшке, то на боку, то на спине, вытянувшись эдакой шерстяной колбаской и растопырив в разные стороны лапки в серо-голубых «чулочках», и производила впечатление жутко ленивой. Однако каждый день, но отчего-то в разные часы, у нее наступало время «икс», когда она в течение примерно пятнадцати минут носилась по квартире как сумасшедшая, играя с каждой ерундовинкой, попадавшейся ей на пути, будь то конфетный фантик, упавший со стола карандаш или закатившаяся в угол монетка. Сбросив накопившуюся энергию, кошка снова замирала и делала вид, что спит, спала всегда и будет это делать всю оставшуюся жизнь.

Муся Беловцева была на нее очень похожа. Она умела подолгу сидеть неподвижно, внимательно слушая собеседника, не ерзая и не выказывая нетерпения. Потом вставала и начинала делать то, что нужно. Быстро, энергично, без лишних слов и, казалось, не зная усталости. Потом снова садилась и не торопясь рассказывала о результатах, не повышая голоса, не жестикулируя и вообще не делая ни одного лишнего движения. Глядя на нее и одновременно слушая ее рассказ, просто невозможно было себе представить, что все, о чем она говорит, было ею проделано в столь короткие сроки. Когда Муся сидела, она производила впечатление ленивой, толстой и малоподвижной сонной кошки. Как только она вставала, пушистая персидская кошечка мгновенно превращалась в огнедышащую самку гепарда с которой, как известно, в животном мире никто не может соперничать по части скорости передвижения. В данный момент Муся была кошечкой, потому что сидела напротив меня в мягком, удобном кресле и вникала в мои проблемы.

Я уже успел задать ей самые главные вопросы и с огромным облегчением услышал, что «Время дизайна» и «Треугольный метр» продаются очень хорошо, пользуются большим успехом у читателей, и пресса по этим книгам вполне приличная. Открыто хвалить у нас в стране как-то не принято, поэтому благосклонность критиков оценивается по тому, сильно они ругают или не очень. Или же просто констатируют, что «читателей порадовали очередным шедевром». С книгами, таким образом, все было в порядке. Выяснилось, что и с деньгами тоже. Однако Муся ничего не смогла мне объяснить по поводу моих отношений со Светкой, видно, я и впрямь пошел у дочери на поводу и никому ничего не сказал о ее планах вечно любить некоего безумно талантливого Гарика и заняться его раскруткой. Впрочем, ничего удивительного, я никогда особенно не делился с Мусей своими семейными делами, она была для меня не другом, а деловым партнером. Надежным, высокопрофессиональным, честным. Но не более того. Почему же я не дал Светке денег, которые обещал ей? Более того, мои финансовые отношения с издателем по поводу последней книги были выстроены в точности по той же схеме, что и прежде, и все деньги были переведены на мой банковский счет, к которому имеет доступ Лина, моя супруга, и с которого я не могу снять ни рубля так, чтобы она об этом не узнала. Выходит, или Светка что-то не так поняла, или я уже в момент подписания договора, в январе,

знал, что денег девочке не дам. Почему же я передумал? Вероятно, были причины, и весьма серьезные. Но если так, то почему же я не сказал об этом Светке? Она ждет, надеется… А я, приняв решение не давать денег, все тянул и тянул, не желая огорчать ребенка неприятным разговором. Вполне в моем духе. Никогда не любил говорить людям неприятные вещи. Да, все это так, но вот почему же я принял такое решение? Муся не знает, я – тем более, о Лине и матушке и речи нет, они точно не одобрили бы финансовое вспомоществование неизвестному Гарику, поэтому им-то я наверняка ничего не говорил. Кто же может знать?

– Надо решить вопрос с моим мобильным телефоном. Мать сказала, что я в прошлом году сменил номер. Новый номер-то она мне сказала, а вот пин-код я забыл. Батарея села через день после аварии, и я теперь не могу его включить.

– Это не вопрос, – Муся сделала очередную запись в блокноте. – Что еще?

– Еще я хотел бы, чтобы о моей амнезии знало как можно меньше людей. Главврач в Талдоме по моей просьбе сказала журналистам, что память у меня восстановилась, вот пусть все так и думают.

– Почему?

– Знаешь… У меня нет разумных аргументов, все это на уровне ощущений… Я учитываю менталитет русского человека. Амнезия – это память, а память – это голова. Я не хочу, чтобы обо мне говорили как о человеке, у которого не все в порядке с головой.

– Понятно, – тонкая серебристая ручка скользнула вдоль раскрытого блокнота. – Но мне придется тебя огорчить, Андрюша. Об этом уже пишут все газеты. Твоя дочь Светлана постаралась. Когда она приезжала к тебе в Талдом, там было полно журналистов, и она не отказала им в интервью, когда вышла от тебя. После этого, конечно, прошли публикации о том, что у тебя все в порядке, но Светлана продолжает общаться с журналистами и рассказывает им все как есть.

– Вот черт! Светка, Светка… Я же просил тебя, и ты мне обещала… Что ж ты меня так подвела? Конечно, я понимаю, тебе хотелось бы оставаться членом семьи известного писателя, появляться вместе с ним на светских тусовках и потом видеть свою фотографию в газетах. Но я лишил тебя этого удовольствия, и теперь ты пытаешься восстановить для себя статус «дочери знаменитости» и купаться в лучах внимания со стороны прессы. Это так по-детски, но можно ли тебя в этом упрекать? Ты, бедненькая, наверное, думаешь, что настал твой звездный час. Глупенький мой попугайчик! А может быть, ты охотно идешь на контакты с журналистами, знакомишься с ними и надеешься, что эти знакомства помогут тебе в дальнейшем раскручивать твоего ненаглядного музыкального гения? Ты готова пожертвовать интересами отца во имя интересов любовника. Что ж, банально и истерто от бесчисленного использования в жизни и в искусстве. Кстати, я и не уверен, что это не правильно. Родители – это прошлое, а любовники, женихи и мужья – это будущее. Молодые должны идти вперед, а не оглядываться на предков.

– Я постараюсь что-нибудь придумать, чтобы дезавуировать эту информацию, – спокойно продолжала Муся. – Но ты в свою очередь подумай, Андрюша, нужно ли это делать. Если твоя память не восстановится, все равно об этом узнают. Ты же не можешь провести остаток жизни, прячась от людей.

– Она восстановится, – возразил я упрямо. – И я буду сидеть здесь, в этой клинике, до тех пор, пока не вспомню все.

– На это могут уйти месяцы и даже годы, – Муся всегда была пессимисткой. Но я стоял на своем.

– Это может случиться в любой момент, даже завтра, даже через пять минут. Я сделаю все, что в моих силах. А уж если не получится, тогда и будем думать, как поступать.

– Думать надо уже сейчас, Андрей. Если я от твоего имени или от своего начну опровергать то, что сказала твоя дочь, то она в глазах всех окажется лгуньей. Мы нанесем ущерб ее

репутации. А потом окажется, что лгали мы с тобой. И мы станем не только обманщиками, но и подонками, оболгавшими молодую девчонку. Я-то ладно, с меня какой спрос, я всего лишь литагент, а вот ты – другое дело. Ты – любимец народа, тебя обожают, у тебя толпы поклонников, ты считаешься тонким знатоком человеческих душ. Ты хоть понимаешь, что такое развитие событий угробит тебя как писателя? Не как автора самых популярных в стране книг, а именно как писателя, как человека, олицетворяющего мысли и чувства нации?

Сказано, честно говоря, громковато, я таких сравнений явно не заслужил. Куда мне до «совести нации»! Но Муся, как всегда, права, ибо она не только пессимист, но и стратег, в отличие от меня. Она умеет смотреть вперед, а я, как обычно думаю только о сегодняшнем дне. Впрочем, если бы она не умела смотреть вперед и просчитывать ситуацию, она не стала бы литагентом, точно чувствующим, какого писателя в какое издательство имеет смысл предлагать, чтобы потом, спустя два-три года (раньше не получится), заработать на этом. С доводами Муси я вынужден был согласиться, но на мою твердую решимость в кратчайшие сроки добиться восстановления памяти это не повлияло.

– Я подумаю, – пообещал я. – Но прошу тебя никому пока ничего не говорить. Кто знает – тот пусть знает, с этим уже ничего не поделать. Но лишний раз поднимать тему не нужно. Хорошо?

– Хорошо, – согласилась Муся. Ее большие голубые глаза за стеклами очков в изящной округлой оправе смотрели внимательно и чуть настороженно, ну точь-в-точь как глаза нашей персидской кошки. Как ни странно, но ту нашу кошку звали Марьяной, в сущности – та же Мария, Муся. И до, и после Марьяны у нас в семье были и другие кошки и коты, и длинношерстные, и гладкошерстные, мои родители любили этих животных, и количество их колебалось от одного до трех единовременно, но в Мусе Беловцевой я всегда видел только ту, бежевую пушистую голубоглазую Марьяну. – Какие еще будут просьбы, поручения?

– Да вроде все, – я пожал плечами. – Кажется, ничего не забыл.

– Ты абсолютно уверен, что не хочешь, чтобы я разыскала Лину и попросила ее приехать?

– Не нужно, Муся. Она не смогла дозвониться мне на мобильник и позвонила матери, та ей все сказала и как врач объяснила, что со мной все в порядке и никакого пожара нет. Пусть спокойно совершенствует свой английский и не дергается. Ну что толку от ее присутствия в Москве?

– Как скажешь. Может быть, найти кого-то из твоих друзей?

– Зачем? – удивился я.

– Андрюша, для восполнения пробела памяти есть два пути: можно все вспомнить, а можно просто все узнать. Читать тебе пока трудно, да и потом, из газет ты узнаешь о чем угодно, но только не о твоей собственной жизни. Не проще ли посадить в этой комнате двух-трех близких друзей и попросить их, чтобы они рассказали тебе о твоей жизни за последние два года, а? Таких друзей, от которых у тебя нет тайн, с которыми ты привык всем делиться. Тебе не кажется, что это разумный выход? Скажи мне их имена и телефоны, я всех найду и завтра же привезу к тебе.

Легко сказать… Друзья, с которыми я привык всем делиться. Да где ж их взять-то, таких друзей? У кого-то они, может, и есть, но только не у меня. Есть приятели, с которыми я с удовольствием парюсь в бане и пью пиво раз в три-четыре месяца. Есть куча знакомых в среде журналистов и литераторов, поскольку мы все вместе учились в литинституте. Есть женщины, с которыми я спал то однократно, то по несколько месяцев и с которыми расставался легко и без сожалений, ибо не любил лишних хлопот и душераздирающих разговоров о будущем. Есть Борька, Борис Викулов, друг детства, и в детстве у меня от него действительно не было тайн, но впоследствии мы учились в разных институтах, получили разные профессии и наши интересы стали пересекаться все реже и реже. Я знал, что, если со мной что-нибудь случится, Борька прибежит на помощь первым и в лепешку расшибется, чтобы сделать все, что нужно.

И я тоже сделал бы для него все, что в моих силах. Мы исправно поздравляли друг друга с днями рождений и Новым годом. После того, как умер мой отец, Борька дважды в год – в день рождения папы и в годовщину кончины – встречался со мной на кладбище, он любил папу и никогда не пропускал дни поминовения. А когда умерла сестра Вера, количество наших ежегодных печальных встреч возросло до четырех, ведь мы росли втроем – Борька, Вера и я, жили в соседних квартирах, и мои родители были для Борьки почти такими же родными, как и его собственные. Но четыре получасовые встречи в год и несколько коротких телефонных звонков – это не та степень близости при которой можно знать друг о друге все. Привет – привет, как бизнес? Двигается. Как тебе пишется? Потихоньку. Как жена? Цветет. Как дети? Растут. Как мама? Работает, не сидится ей дома. Редко видимся, надо бы собраться, посидеть… Да, надо бы. Ладно, спасибо, что не забыл, созвонимся, бывай. Борис действительно мой друг в том смысле, что не предаст и подставит плечо. В любой ситуации, я был в этом уверен. Но это совсем не та дружба, которая могла бы мне сейчас помочь.

А где та? Где он, тот человек, мужчина или женщина, который знает о том, как я мучаюсь, когда пишу книгу, потому что боюсь, что она получится хуже предыдущих, и когда не пишу, потому что боюсь, что больше у меня не будет вдохновения и сил? Где тот человек, который знает о моих романах, обычно скоротечных и необременительных? Где тот друг, которому я жалуюсь на жизнь, на жену, на любовницу, на себя самого? Нет у меня такого друга. Давно уже нет. Собственно говоря, после детской дружбы с Борькой, с которым мы сидели за одной партой все десять школьных лет, у меня больше не было друга. Смешно, да? Андрюха Корин, веселый, компанейский, предмет обожания большинства девчонок на курсе благодаря умению играть на гитаре и петь русские романсы, а также минорные песенки собственного сочинения, – и вдруг нет друзей. Как-то так вышло, что приятели были, а друзей – нет. Все, что мне хотелось выплеснуть из себя, я выплескивал не в дружескую жилетку, а на бумагу. Сначала от застенчивости, ведь сказанное другу естественным образом исходило бы от меня и касалось меня, а написанное на бумаге касается вымышленного персонажа. Вроде бы и душу облегчил и, с другой стороны, себя голым напоказ не выставил. Потом вошло в привычку, особенно когда прочел рецензию на свой рассказ, написанный на четвертом курсе. В рецензии так и было сказано: это невольно вырвавшийся крик одинокого человека, такой искренний и пронзительный, что не может не вызвать слез. Что ж, если мне быть одиноким, чтобы хорошо писать, значит, так тому нужно и быть.

Вот я и был замкнутым и скрытным. То есть внешне я был общительным, дружелюбным и вообще душкой, я готов был обсуждать с кем угодно любые темы, кроме меня самого, моей личной жизни, моих мыслей и эмоций. Я совершенно не производил впечатления буки. И о том, что у меня нет по-настоящему близкого друга, знали только мама и жены, сначала первая потом – вторая. Даже Муся – и та не знала, по крайней мере, сейчас на ее лице было написано недоверие, смешанное с удивлением.

– Ты хочешь сказать, что у тебя нет близких друзей? Никогда не поверю.

– Поверь, пожалуйста, – сухо ответил я. – И еще я тебя попрошу подробно рассказать мне о наших делах. Мы ездили осенью во Франкфурт?

– Да, конечно.

Муся взглянула на часы и виновато улыбнулась.

– Прости, Андрюша, но мне надо бежать, я же только вчера поздно вечером прилетела, а сегодня с утра помчалась к тебе. У меня на сегодня запланирована куча дел. Давай о делах поговорим в другой раз, они никуда не убегут, там нет ничего срочного. Я приеду к тебе, – она полистала ежедневник, – в среду, шестнадцатого, привезу все договоры и всю прессу по твоим последним двум книгам. Да, и зарубежную прессу тоже, и все отчеты о продажах книг за границей за девяносто девятый и двухтысячный годы.

– А телефон? – напомнил я. – Муся, мне нужен не только пин-код, мне нужен новый номер, чтобы никто не мог меня найти, кроме тебя, мамы, Лины и Женьки. Когда я захочу с кем-то пообщаться, я сам буду звонить.

– Не беспокойся, – она улыбнулась, но это уже была улыбка не пушистой Марьяны, а оскал пока еще умиротворенной Самки Гепарда: Муся готовилась сорваться с места и мчаться по делам, – этот вопрос я решу сегодня же и кого-нибудь пришлю к тебе с новой сим-картой.

Самка Гепарда, сильная и гибкая, вскочила с кресла, щелкнула замком сумки, круто повернулась на каблуках изящных туфелек и уставилась на меня в упор.

– Хочешь совет, Андрюша?

Голубые глаза пожелтели. Пушистая шерсть опала прямо на глазах, потемнела и заблестела. Я наблюдал эту метаморфозу множество раз за последние годы и ненавидел такие моменты потому что сам был ленивым и инертным и люто завидовал тем, кто умел быть быстрым и энергичным, как Муся.

– Давай, – вяло согласился я.

– Не сиди сиднем. Здесь прекрасный тренажерный зал, большой бассейн, опытные массажисты. Раз уж ты все равно устроил себе отпуск, так займись собой наконец. Глядишь, и мысли быстрее по мозгам побегут.

От кресла до двери нужно было пройти по меньшей мере пять-шесть шагов, но мне показалось, что Муся преодолела это расстояние одним прыжком.

Почему-то я был уверен, что стоит мне увидеть Мусю Беловцеву, как память немедленно вернется. И у меня были основания для такой уверенности. Вот пришла Светка, но ведь мы с ней виделись так редко, что, по большому-то счету, мою жизнь нельзя считать связанной с нею. Вот матушка появилась, но и с ней я, ежедневно общаясь по телефону, ничего существенного, важного не обсуждаю. Все больше о Женьке говорю, поскольку это ей действительно интересно, потом о своем здоровье, о котором она, конечно же, заботится, но которого, на мой взгляд, так много, что тем для обсуждения нет, а в третью очередь – о Лине. Но о жене тоже много не скажешь, слишком перехвалишь – матушке неприятно, будешь критиковать – дашь пищу для несправедливых выводов, приходится тщательно дозировать информацию и контролировать каждое слово. К моей ежедневной жизни писателя матушка имеет весьма косвенное отношение.

А вот Муся – совсем другое дело. Так сложилось, что я постепенно переложил на нее все дела, оставив за собой только сочинительство. Даже об интервью журналисты должны были договариваться с ней, а не со мной. И вопросы о моем участии в телепередачах, в радиоэфирах, в презентациях и прочих мероприятиях нужно было согласовывать с ней. Если зарубежные издатели приглашали меня для переговоров, встреч с читателями или журналистами, то Муся непременно ехала вместе со мной, предварительно заказав такую гостиницу, какую я хочу, и билеты на тот рейс, каким я предпочитаю лететь. Она прекрасно владела английским, немецким и французским языками и в таких поездках выполняла для меня еще и функции переводчика. Положа руку на сердце, можно утверждать, что больше, чем Муся Беловцева, обо мне не знает никто. Разумеется, Муся, как я уже объяснял, знает далеко не все, но остальные, включая матушку и жену Лину, знают еще меньше.

И мне казалось, что стоит войти в комнату человеку, с которым в моей жизни связано так много, как вспышка озарит и оживит мою увядшую память. Однако этого не произошло.

И все равно ее приход словно придал мне силы. Муся здесь, и все непременно должно пойти на лад в самом скором времени. В среду, шестнадцатого, она привезет все материалы и документы, касающиеся моей писательской деятельности, я их внимательно просмотрю, и мне многое станет понятным. Сегодня десятое мая, четверг, и у меня есть шесть дней для того, чтобы подготовить мозг к вспышке, на которую я так надеюсь. За эти шесть дней я должен

прочесть внимательнейшим образом обе мои книги, постараться настроиться на эмоциональную волну себя самого «тогдашнего», проникнуть в подтекст и в собственное подсознание и помочь забастовавшей памяти. Либо к Мусиному приходу я все вспомню, либо приведу свою голову в состояние полной боевой готовности, и тогда принесенные Мусей бумаги сыграют роль детонатора. Осталось всего шесть дней, и потом – прощай, амнезия! Я от тебя избавлюсь.

Настроение поднялось, я пододвинул торшер поближе к креслу и уселся с «Временем дизайна» в руках, с радостным волнением переворачивая страницы в ожидании озарения, которое непременно произойдет, вызванное вот этим словом… нет, вот этим… ну, может быть, вот этим… или следующим… или следующей фразой… или следующей главой…

Чтобы не болела голова, нужно было каждые десять минут делать перерыв и сидеть примерно четверть часа с приглушенным светом и закрытыми глазами. Я был дисциплинированным и четко соблюдал режим чтения, подсчитав, что при таком ритме сумею одолевать по двадцать пять страниц в час, а до того места в тексте, которое я уже не помню, осталось всего пятьдесят страниц, таким образом, через два часа и начнется, собственно говоря, самое главное. И может быть, уже сегодня я буду засыпать, имея в голове полную картину произошедшего за год и девять месяцев. Если же я нарушу экспериментальным путем составленный график, то головная боль не отпустит меня в течение нескольких часов, и заветный момент окажется отложенным на неопределенное время.

В семь вечера принесли ужин, и я впервые после аварии поел с удовольствием. Читал до полуночи, размеренно чередуя чтение и отдых. Засыпал угрюмым и расстроенным. Ничего не произошло. Я ничего не вспомнил.

Утром я вскочил ни свет ни заря и тут же потянулся к книге. Идиот, ну на какое проникновение в душу автора я рассчитывал, проглатывая по странице меньше чем за минуту! С такой скоростью можно только за сюжетом следить, больше ничего из текста не выудишь. Нужно читать медленно, со вкусом, смакуя каждую фразу, стараясь видеть перед собой картинку, как это происходило с героем «Театрального романа» Булгакова. А я как читаю? Как дешевый потребитель, которому не интересен автор как личность, а для которого важно только, кто кого обманул, кто о чем не догадался, кто кому рога наставил, в чем фишка и кто кого в конце концов победил. Я слишком тороплюсь, потому у меня ничего и не получается. Вот сейчас я начну вчитываться в текст, и все заиграет совсем по-другому.

Надежда ожила и трепыхалась во мне часов до пяти вечера.

Потом взмахи ее крыльев сделались все слабее и реже, я медленно двигался к концу книги, а результата все не было. К ночи я был на грани отчаяния. Я делал все как надо, я вгрызался зубами и впивался глазами в каждое слово, в каждую метафору, как безумец, перед которым высыпали тонну орехов и сказали, что в одном из них вместо ядра – десятикаратный бриллиант чистейшей воды.

Но, засыпая, я снова надеялся на то, что уж завтра-то непременно все вспомню. Ведь нерасколотых орехов становится все меньше и меньше, и рано или поздно я обязательно найду бриллиант.

На следующий день я закончил «Время дизайна» и жадно схватился за «Треугольный метр». Мне даже в голову не приходило выставить самому себе оценку и решить, понравилось мне то, что я написал, или нет. Я читал не для того, чтобы понять, хороший я писатель или плохой. Я читал, чтобы вспомнить свою жизнь и самого себя.

Во вторник, к середине дня, я одолел и вторую книгу, но безрезультатно. Ничего, ничего, завтра приедет Муся, привезет материалы, и эта новая информация, объективно отражающая мою жизнь, упадет, как говорится, «на свежие дрожжи». Завтра все и случится, я тщательно подготовился к этому событию.

Закрыв книгу, я выглянул в окно. Листва на деревьях наливалась сочной зеленью, по дорожкам парка бродили мужчины и женщины разного возраста, одетые кто в спортивные костюмы, кто в джинсы и свитера, а кто и во вполне цивильное платье. Последние, вероятно, были посетителями, приехавшими навестить родных или знакомых. Мне захотелось выйти прогуляться, ведь я больше двух недель провел в четырех стенах, глотая свежий воздух через открытое окно. Я уже потянулся было к шкафу, чтобы взять с полки свитер, но страх и неуверенность снова одолели меня. Рассудком я понимал, что бояться совершенно нечего, здесь никто меня не знает, и никто не станет приставать ко мне с деловыми разговорами, максимум о чем могут спросить, так это о самочувствии и о причине травмы, но такой разговор я вполне могу поддержать. Да, рассудком я понимал, что страхи мои глупы и беспочвенны, но, к сожалению, кроме рассудка, у людей наличествует уйма других совершенно лишних придатков, например, эмоции и ощущения. Эти придатки вечно путаются под ногами и мешают целеустремленному рассудку планомерно двигаться вперед, к заветным рубежам. Матушка появилась, когда я скучно ужинал.

– Андрюша, это не дело, – начала она, окинув меня зорким профессорским оком. – Ты очень плохо выглядишь. Почему ты совсем не гуляешь? Эмма Викторовна на тебя жалуется.

– Да? – удивленно усмехнулся я. – И чем же я не угодил нашей дорогой Эмме Викторовне? По-моему, она должна меня просто боготворить, ведь я ни на что не жалуюсь, не требую внимания и покорно позволяю колоть себе в задницу витамины и всякую гадость.

– Не ерничай, тебе это не идет. Эмма Викторовна удивляется, что ты платишь такие большие деньги за пребывание в клинике и совершенно не пользуешься тем, что тебе здесь предлагают. Ты хотя бы знаешь, что здесь прекрасная водолечебница? Тебе давно пора подлечить нервную систему, и курс ванн – это как раз то, что тебе нужно. А твое колено? Жаловаться на то, что оно ноет при перемене погоды, ты не забываешь, а о том, что здесь можно пройти курс бальнеотерапии, ты забыл, хотя я тебе десять раз говорила об этом и ты обещал, что все сделаешь.

– Хорошо, – я кивнул с видом покаянным и покорным, – завтра же займусь этим, прямо с утра, обещаю тебе. Ты опять приехала одна? Ты же обещала привезти Женьку.

Сына я видел за все это время один раз, мать привезла его в клинику и через час увезла: вид заметно выросшего, окрепшего в плечах и повзрослевшего сына поверг меня в такой шок, что я не смог справиться с нервозностью, результатом чего явилась такая головная боль, что я скрипел зубами и стонал, обхватив ладонями виски. Женька перепугался и расплакался, мы с Линой были людьми здоровыми и если и болели, то исключительно легкими простудами, и мальчик никогда в жизни не видел так близко настоящей болезни. Матушка решила, что визиты в клинику для ребенка не полезны, пока я окончательно не приду в норму.

– Да, Андрюша, я обещала привезти мальчика, если ты будешь хорошо себя чувствовать. Но ты даже не выходишь на прогулки, значит, ты еще очень слаб. Я не могу рисковать. Я специально позвонила Эмме Викторовне, прежде чем ехать сюда, и после разговора с ней решила Женечку оставить дома. Пусть лучше делает уроки.

– Господи, какие глупости! Если бы я знал, что ты из-за этого не дашь мне повидаться с сыном, я бы гулял с утра до вечера. Я прекрасно себя чувствую.

– Тогда почему ты не выходишь?

– Мамуля, ты же знаешь, я с детства не был любителем погулять. Вот посидеть с книжечкой, почитать – это да, это я всегда с удовольствием. Обещай, что в следующий раз привезешь Женьку, ладно?

– Ладно, – улыбнулась она. – Но и ты мне кое-что пообещай.

– Ну я же сказал, завтра прямо с утра попрошу Эмму Викторовну, чтобы она назначила мне всякие эти твои терапии.

– Я о другом, сынок.

Матушка понизила голос и пересела с дивана на широкий подлокотник кресла, в котором сидел я. Ее теплая сухая ладонь легла мне на затылок.

– Ты обещал написать книгу о Верочке. Ты даже уже начал над ней работать. Во всяком случае, ты мне так сказал.

Вот елки зеленые! Неужели она меня все-таки дожала? С того момента, как умерла Вера, матушка постоянно твердила, что я должен написать книгу, посвященную памяти сестры. В книге должна быть описана ее нелегкая и трагическая жизнь и раскрыта суть ее характера. Это мой долг сына и брата. Мама очень тяжело пережила смерть дочери, и первые месяцы после похорон Веры заставили меня думать, что я был у нее нелюбимым сыном. Во всяком случае, несколько раз она позволила себе, правда в истерике, выкрикнуть: «Почему умерла она, а не ты!» Я старался не обращать внимания и не обижаться, списывая эти слова на горе, которое лишает мать рассудка. Но заноза осталась. И остались бесконечные сравнения с Верой, которые были, разумеется, не в мою пользу.

О том, что я должен написать книгу о сестре, мать заговорила через месяц после похорон. Писать такую книгу мне совсем не хотелось, но твердо и решительно отказать матери я не мог, не тот у нас был стиль отношений, чтобы я позволял себе говорить ей «нет». Я выкручивался, прикрывался необходимостью закончить книгу, на которую у меня якобы подписан договор заказа, потом возникал точно такой же договор на следующую книгу или назревал цикл поездок, которые были давно запланированы. Мама то проявляла настойчивость, то прекращала всякие разговоры о книге, я расслаблялся и надеялся, что она оставила эту затею, но тема книги о сестре внезапно снова выплывала невесть откуда, заставляя меня идти на невероятные ухищрения, чтобы и матушку не обидеть, и не делать то, чего делать ну совершенно не хочется. Видно, она все-таки меня подловила в какой-то момент, когда я не смог быстро собраться и придумать очередное вранье, и выколотила из меня обещание книгу написать. Знает она мое слабое место: я буду выкручиваться до последнего, чтобы не давать обещаний, но если уж дал, то сделаю, чего бы это ни стоило. Но теперь можно попытаться прикрыться болезнью, которая так удачно подвернулась, спасибо ей за это.

– Мамуля, я не уверен, что вообще смогу написать хоть что-нибудь после травмы. Ты же знаешь, какая коварная штука эти сотрясения. Вроде человек совсем поправился, чувствует себя прекрасно, а голова работает по-другому. Или вообще не работает.

– Сынок, мы с тобой этого никогда не узнаем, пока ты не попробуешь. Ты хотя бы начни, напиши несколько страниц, а там увидишь, пойдет дело или не пойдет. Я уверена, что именно сейчас и именно здесь, в клинике, ты сумеешь написать о Верочке.

– Почему именно сейчас и именно здесь? – не понял я.

– Потому что эта книга, в отличие от всех остальных, не требует сбора материала, этой книге не нужна суета, не нужен острый и динамичный сюжет, которыми ты всегда славился. Ты все знаешь о сестре, вся ее жизнь, все ее несчастья прошли перед твоими глазами. Пока ты в клинике, ты не можешь работать ни над какой другой книгой, у тебя нет возможности собирать материал. А о Верочке ты сможешь написать, не выходя из палаты.. Особенно сейчас, когда ты сам побывал на грани жизни и смерти. Сейчас ты должен особенно тонко и глубоко чувствовать.

– Мама, я не могу тебе ничего обещать, я не знаю…

– Конечно, Андрюшенька, конечно, – мягко прервала она меня. – Я понимаю. Но ты попробуй. Ты же должен чем-то заниматься, пока находишься здесь. Хотя бы попробуй.

Да, в шахматах это называется «вилка». Если я хочу видеть сына, я должен быть здоровым. Если я не хочу писать книгу о сестре, я должен быть больным. Вот и выбирай, Корин.

На прогулку я все-таки вышел. Мучительным усилием преодолел страх перед неизвестной мне и оттого враждебной действительностью, заставил себя натянуть свитер и легкую куртку и выполз в парк, когда совсем стемнело и там уже не было ни одного человека. Шел

медленно, прислушиваясь к сердцебиению, все-таки я целых восемнадцать дней в основном лежал или сидел, передвигаясь только в пределах комнаты. Как и ожидалось, я быстро устал, замедлил шаг и повернул в сторону входа в корпус. Проходя мимо фонаря, я заметил быстро мелькнувшую тень, оглянулся, но никого не увидел. Показалось, что ли, с перепугу? Страх мгновенно вернулся, и мне захотелось как можно быстрее оказаться в своей палате и запереть дверь.

И в ту же секунду раздался набор звуков, до боли знакомый. Именно эти звуки мне довелось слышать, когда я писал книгу о спасателях. Среди них было немало бывших омоновцев и десантников. Однажды они по моей просьбе поехали со мной в лес и дали пострелять из пистолета с глушителем. Повесили на ветки дерева импровизированную мишень, по которой я старательно выпустил пять пуль. Три из них попали в ствол дерева. И я хорошо помню и шепелявый звук выстрела, и сухой треск отколовшейся и упавшей на траву коры. Именно это я сейчас и услышал.

ГЛАВА 3

О том, чтобы уснуть, не могло быть и речи. Неподвижно лежа на спине и укрывшись одеялом до подбородка, я мысленно перебирал факты и пытался составить из них связную цепочку. Итак, что мы имеем? Я пообещал дочери деньги, но почему-то не дал их. Я сменил номер мобильного телефона. Я ухитрился дать матушке уговорить себя написать книгу о сестре. Вероятно, я был чем-то совершенно выбит из колеи и не смог вовремя и с прежней ловкостью увернуться от ее настойчивых требований. Что меня так сломало? И, наконец, в меня стреляли. Во что же я умудрился вляпаться? Муся не знает, иначе непременно сказала бы мне. А кто знает? Лина? Мы давно уже исключили из разговоров все темы, кроме сына, родственников и общих знакомых. Я ничего не понимаю в ее бизнесе и не намерен делиться с ней муками творчества. Когда-то я был страстно влюблен в нее, теперь же, после двенадцати (прошу прощения, четырнадцати, я снова обсчитался, никак не привыкну жить две тысячи первым годом, все время в девяносто девятый скатываюсь) прожитых бок о бок лет, мы оба сосуществуем очень мирно, очень комфортно, даже уютно, но… Мы даже не друзья, мы просто живущие вместе родители одного ребенка. У нас общие деньги, общие знакомые, но жизнь у нас, увы, не общая. Впрочем, почему «увы»? Меня все устраивает. Полагаю, что и Лину тоже, иначе она давно ушла бы от меня.

А может, все-таки Борис? Вдруг я ему хоть что-то сказал? За год и девять месяцев мы должны были встретиться с ним как минимум восемь раз, четыре – на папины дни и четыре – на Верочкины. Может, хотя бы слово, хоть намек какой-то… Завтра же попрошу Мусю разыскать его новые координаты. Нет, все гораздо проще. Надо дать ей ключи от моей квартиры и попросить найти и привезти мою записную книжку, если у Борьки менялись телефоны, они обязательно там записаны. А кстати, почему он до сих пор не объявился? Муся сказала, что об аварии, в которую я попал, написано во всех газетах. Что же, Борька газет не читает? Быть того не может. Или ему самому, или кому-то из его семейства должно было попасться на глаза это сообщение.

Мыслей много, но все они носят характер вопросов. Ответы бы найти, но с этим дело обстоит совсем плохо. То и дело на ум приходил образ огромного количества маленьких юрких зверьков, бегающих вокруг меня, заигрывающе покусывающих мои ноги, вопросительно заглядывающих в глаза, но тут же убегающих при малейшей попытке с моей стороны дотронуться до них и погладить, не говоря уж о том, чтобы поймать и взять на руки. И чем дальше, тем отчетливее я осознавал, что зверьки эти – хищные, хотя и не понимал, откуда у меня такая уверенность.

До рассвета я промаялся в бесплодных усилиях схватить хоть одного хвостатого негодяя. В руки они не давались. От проведенной без сна ночи разболелась голова, и вид мой так напугал хорошенькую медсестру, явившуюся с утра пораньше с шприцем на изготовку, что мне пришлось выдержать еще и внеплановый визит дежурного врача, который долго допытывался, не стало ли мне хуже, не было ли тошноты или еще чего пострашнее, а потом строго заявил, что, как только придет Эмма Викторовна, она тут же меня посмотрит. Пришлось соглашаться. Не рассказывать же ему о всех моих страхах и о вчерашней прогулке по больничному парку. Тут-то уж они точно решат, что у меня с головой не все слава богу. Кому надо стрелять в писателя, пусть известного, пусть состоятельного, но все равно всего лишь писателя, бумагомараку, безобидного книжного червя? Его можно ограбить, совершив налет на квартиру, его можно даже похитить и потребовать у родственников солидный выкуп. Но стрелять? Нет, в психушку мне не хочется. Тем более я и сам до конца не уверен, действительно ли то был звук выстрела или мне почудилось. А вдруг я и в самом деле того… Ох, не хотелось бы. В любом случае надо молчать до поры до времени и пытаться разобраться самому. Ведь если я не помню

событий последних двух лет и если в меня действительно стреляли, то нельзя делиться ни с кем и ничем, пока я не вспомню, как все было на самом деле. В такой ситуации и врага принять за друга недолго.

После завтрака я мужественно перенес хлопотание Эммы Викторовны вокруг моей драгоценной персоны, выслушал очередной длинный перечень всяческих запретов, в том числе на резкие движения, на яркий свет, на зрительное напряжение. К моему немалому удовольствию, врач сказала, что, поскольку я еще недостаточно окреп, принимать ванны и делать массажи мне пока рановато, так что данное матушке обещание заняться общим оздоровлением организма можно было не выполнять с чистой совестью.

– И все-таки меня беспокоит, что вам вдруг стало хуже, – озабоченно говорила Эмма Викторовна.

– Но мне совсем не стало хуже, – возражал я. – Я прекрасно себя чувствую.

– Тогда откуда появилась головная боль утром, после сна? Этого не должно быть в норме.

– Просто я не спал всю ночь.

– Почему? Откуда бессонница?

– От нервов, – неудачно пошутил я и тут же был за это наказан:

– Вас что-то встревожило? Что именно? Вы плохо себя почувствовали и испугались этого ухудшения? – допытывалась она. – У вас вчера не было посетителей, кроме вашей мамы, я узнавала. Что вас так расстроило?

– Телефонный звонок, – соврал я и тут же снова получил по мозгам:

– Вас нельзя тревожить, я это объясняла вашей маме и вашему секретарю. Вам ни в коем случае нельзя нервничать. Если ваши близкие не могут оградить вас от телефонных звонков, мне придется сделать это самой. Ольга Андреевна обещала мне не давать ваш номер телефона всем подряд. Если она не сдержит слово, я унесу аппарат из вашей палаты. И мобильный телефон отберу.

Вот, значит, как. Матушка обещала не давать мой номер телефона «всем подряд», что, зная ее характер, означало на самом деле «никому». А Мусю наша дорогая Эмма Викторовна приняла за моего секретаря. Ну и ладно, какая, в сущности, разница.

Что-то я вру сегодня неудачно, что ни скажу – все невпопад. Квалификацию потерял, что ли?

– Эмма Викторовна, – я постарался вложить в голос как можно больше теплоты и сердечности, – мама ни в чем не виновата. Это все мои эмоции. Знаете, поговорил вчера с сыном и вдруг понял, что он стал на два года старше, он уже совсем взрослый, а я даже не помню, как он взрослел. И так явственно ощутил этот провал во времени… Но вы же не запретите мне общаться с сыном, правда?

Наконец-то ложь получилась удачной, Эмма явно мне поверила и даже посочувствовала. Но радость моя была недолгой, очень быстро выяснилось, что я опять подставился.

– Андрей Михайлович, давайте поговорим серьезно.

– Я готов, – улыбнулся я.

– Если бы ваша амнезия была прямым следствием травмы черепа, то память вернулась бы к вам уже давно. Скажу вам еще одно: обычно в таких случаях амнезией охватывается всего несколько часов до травмы, ну максимум – сутки. У вас же пропало почти два года, и они до сих не восстановились в вашей памяти, хотя после аварии прошло без малого три недели. Это заставляет меня задуматься.

Ну вот, не хватало еще, чтобы она задумывалась, Спиноза. Сейчас скажет, что мне нужен не невропатолог, а психиатр.

– Мне кажется, вы напрасно беспокоитесь, – произнес я бодро, – вы же сами сказали, что все это бывает «как правило». Но у любого правила есть огромное количество исключений,

вот я и попал в их число. И я уверен, что, как только я вникну в дела и пообщаюсь с близкими, которые мне напомнят все события, память восстановится.

– Андрей Михайлович, – она вздохнула, – если бы все было так просто, жить было бы куда легче. Мне кажется, в вашем случае речь идет о диссоциативной амнезии, и здесь вам не обойтись без психоаналитика.

Диссоциативная амнезия. Слово красивое, а что оно означает? Если психическое заболевание, то я не согласен. Категорически.

– Вы не можете вспомнить то, что забыли, не потому, что получили травму, а потому, что не хотите вспоминать. Вы стремитесь это забыть. Эти воспоминания вас тревожат, расстраивают, мешают вам спокойно жить, и ваша психика постаралась избавиться от них при удобном случае. Этим удобным случаем и послужила авария, в которую вы попали. Вы меня понимаете?

– Понимаю, но не уверен, что вы правы. Думаю, что все куда проще и я действительно являюсь банальным исключением из правила. Дайте мне время, и я справлюсь с амнезией сам.

– Голубчик, я согласилась бы с вами, если бы вас это не беспокоило. Но если проблема исчезнувших воспоминаний заставляет вас не спать ночами и мучиться головной болью, я как невропатолог не могу смотреть на это сквозь пальцы. Все наше лечение, все наши процедуры не дадут никакого эффекта, если вы не перестанете нервничать и переживать, а вы и не перестанете, пока не справитесь с проблемой. Так что моя задача сделать все возможное, чтобы вам помочь восстановить память как можно быстрее. А вы не хотите принять мою помощь. У нас с вами получается замкнутый круг.

Она сидела передо мной на мягком диванчике, такая маленькая, худенькая, в накрахмаленном белом халатике, из-под полы которого виднелись тонкие беспомощные ножки, вызвавшие у меня острое чувство жалости к ней. До сегодняшнего дня ее вид ассоциировался у меня с таксой, но сейчас я вдруг увидел в ней голую мексиканскую собачку, вечно дрожащую, совершенно несамостоятельную и абсолютно зависимую от окружающих ее людей. Да, я хорошо представлял себе, как это бывает: прорваться в платное отделение престижной клиники не каждому удается, для этого нужно иметь или непререкаемый авторитет в медицинских кругах, или связи. Авторитета у тридцатилетней (или чуть старше) Эммочки быть пока еще не могло, она даже не кандидат наук. Значит, пропихнули по знакомству, деньги здесь она зарабатывает отнюдь не малые, и расстаться с местом в ее планы не входит. А тут свалился на ее голову знаменитый писатель, но что еще хуже – у писателя мамочка доктор медицинских наук и профессор, перед ней вся медицинская общественность столицы и области как на ладони. И сделай маленькая Эмма хоть что-нибудь не так, на ее репутации можно будет ставить изящный, но нестираемый крестик. А вполне возможно, что есть и еще одно обстоятельство, учитывая внешние данные моего доктора. Данные не бог весть какие, она скорее страшненькая, чем симпатичная, хотя и очень обаятельная. Может быть, у нее есть мужчина или даже муж, которого привлекает ее зарплата, и отказ от денежной работы разрушит личную жизнь этой несчастной Голой Собачонки.

Ну и что мне делать? Позволить ей навязать мне психическое заболевание вместе с психоаналитиком, чтобы моя матушка Ольга Андреевна не смогла упрекнуть Эмму в том, что та не все сделала для ее сына? Иными словами, поставить под угрозу собственное реноме ради спасения ее репутации? Нет, на такие жертвы я идти не готов. Я, конечно, добрый и жалостливый, но не до такой же степени!

– Хорошо, Эмма Викторовна, – я изобразил из себя эталон понимания и покладистости, – я подумаю над вашими словами. Не уверен, что вы правы, но я обдумаю то, что вы сказали.

Муся появилась в четыре, собранная, деловая, в образе Самки Гепарда. Я все ждал, что она усядется на диван и превратится в Персидскую Кошечку, но этого не случилось.

– Вот документы, – она вытащила из портфеля синюю папку и положила на стол рядом с телефоном, – ко всем бумагам на иностранных языках подколот перевод, так что разберешься. К сожалению, я не смогу сегодня долго пробыть у тебя, ты уж прости, Андрей. Планировала освободить себе весь вечер, чтобы подробно поговорить с тобой обо всем, но не получилось. Сегодня прилетает этот безумец, и мне придется его встречать и всюду сопровождать, он же по-русски ни бум-бум.

«Этим безумцем» Муся называла владельца крупного литературного агентства из Канады, регулярно наведывающегося в Россию в поисках русских авторов, которых можно было бы выгодно пристроить в канадских издательствах. К своим поискам он подошел вполне по-деловому и заключил с Мусей контракт, согласно которому она обязуется в каждый его приезд оказывать ему консультативную помощь, включая организацию передвижений по городу и, если нужно, по стране, встречи с издателями и авторами, реферирование (если речь шла о конкретной рукописи) и синхронный перевод с утра до ночи. Приезжал «этот безумец» один-два раза в год дней на десять, Муся ужасно выматывалась за эти дни, но расторгать контракт и не думала: платил канадец щедро. Кстати, именно благодаря ему все мои книги переведены и изданы канадским издательством, ведь Муся, разумеется, предлагала «безумцу» в первую очередь своих авторов.

– Бедненькая, – посочувствовал я ей, – тебя ждут веселые деньки. Каким временем ты располагаешь? – Муся бросила взгляд на часы.

– Минут пятнадцать, не больше, надо мчаться в Шереметьево.

– Тогда я буду краток. У меня к тебе просьба. Вот, возьми, – я протянул ей ключи от квартиры, – и пожалуйста, съезди ко мне домой и привези мою записную книжку. К сожалению, не могу тебе сказать точно, где она лежит, но раньше я обычно держал ее на компьютерном столе, прямо рядом с телефоном. Сделаешь?

– Конечно, – она взяла ключи и бросила в портфель. – Если сама не вырвусь к тебе, пришлю того же мальчонку, который тебе телефон привез. Жаль, что ты мне раньше не сказал, я бы подъехала к твоей маме, взяла ключи, и уже сейчас ты получил бы свою книжку. Не сообразил?

– Сообразил. И тут же сообразил, что матушке это не понравилось бы. Почему я прошу об этом не ее, родного человека, а тебя? Она сказала бы тебе, что сама найдет записную книжку и привезет мне.

– И что в этом плохого? – не поняла Муся. – Пусть бы и привезла.

– Мусенька, дорогая, у тебя принципиально другая мать, и ты меня никогда не поймешь. Я не люблю, когда матушка роется в моих вещах и бумагах. Она человек деликатный и никогда сама никуда не полезет, но если ее попросить что-то найти и если на ее пути при этом попадется хоть одна бумажка, можешь быть уверена, эта бумажка будет прочитана от корки до корки. А потом мне придется отвечать на множество вопросов и выслушивать разнообразные упреки в том, что я опять сделал что-то не так. Однажды она нашла у нас дома счет за телефонные переговоры, причем, заметь себе, оплаченный. Так она не поленилась, изучила каждую букву и цифру и обнаружила, что оплата была просрочена на два месяца. Разговоров было – на две недели! И что мы с Линой несобранные, неорганизованные, что никогда ничего не делаем вовремя, что рано или поздно у нас отключат телефон за неуплату или вообще снимут номер, и как мы будем жить дальше, и тому подобное. Из-за такой ерунды – две недели нервотрепки. А я ведь совсем не знаю, какие бумаги лежат сегодня у меня в столе, ты понимаешь? И матушку туда на пушечный выстрел подпускать нельзя.

– Аргумент, – согласно кивнула Муся. Она так и не присела, продолжала стоять, поставив портфель на стол и облокотившись на широкий подоконник. – Я все поняла, записную книжку найду и переправлю тебе. Что еще? Кстати, ты прочел свои книги?

– Да, осилил.

– Что так скучно? – улыбнулась она. – Почему «осилил», а не «запоем проглотил»? Не понравилось?

– Не в этом дело… Просто то, на что я надеялся, не случилось. Я ничего не вспомнил. А качество написанного я как-то не собрался оценить. Вроде ничего, увлекательно. А ты как считаешь?

– Андрей, ты же знаешь, я твои рукописи не читаю, я их продаю. Читать имеет смысл, когда автор не известен, чтобы понять, как он пишет и о чем. А твои книги зачем мне читать? Ты – Корин, этим все сказано, издатели платят уже только за твое имя, а не за содержание.

– Муська, – засмеялся я, – ты цинична до неприличия.

– Я всегда была такой. А ты что, надеялся, что я за два года стала другой?

– Нет, я радуюсь, что ты прежняя. Человеку для внутреннего комфорта необходимо чувство стабильности, узнаваемости. Знаешь, мне действительно очень страшно, что за два года все вокруг переменилось, и я уже не найду своего места в этой изменившейся среде. Поэтому я радуюсь как ребенок, когда вижу, что что-то осталось прежним, кто-то совсем не изменился. Меня это утешает, и я начинаю думать, что два года – это не такой уж большой срок.

Мне показалось, что Муся немного нервничает, вероятно, боится опоздать в аэропорт, и при этом не хочет меня обидеть.

– Все, дорогая, беги, не буду тебя задерживать. Когда ты появишься?

– Пока не знаю, Андрюша, – в ее голосе послышалось явное облегчение оттого, что я не обижаюсь на ее столь скорый уход. – Наш безумец собирается пробыть здесь почти две недели, но точное расписание я буду знать только сегодня вечером, когда он прилетит. Я обещаю, сегодня же выберусь к тебе домой за записной книжкой и позвоню, что и как.

– Позвони обязательно, – попросил я, – мне нужны телефоны одного человека, ты мне их продиктуешь, а саму книжку можно и попозже привезти.

Конечно, я не обижался на Мусю, ведь она, в отличие от меня, работает, крутится. У нее пенсионного возраста родители и еще дочка, к сожалению, больная, на лечение которой постоянно нужны деньги, с каждым годом все больше и больше. Поэтому Муся с ее юридическим образованием, прекрасным знанием авторского права и издательской «кухни» и свободным владением тремя иностранными языками хватается за любое дело, которое может принести хоть какие-нибудь деньги. Даже, случается, выступает в качестве гида-переводчика для чьих-нибудь гостей, не говоря уж о бесконечных переводах всяческих контрактов с русского и на русский. Да и с авторами хлопот немало, кроме меня, у Муси на руках еще восемь творцов, и все в разных издательствах, и у каждого свои капризы и амбиции.

После Мусиного ухода мне удалось на какое-то время отстроиться от мыслей о выстреле, не то почудившемся мне, не то имевшем место в реальности. Я смотрел на синюю папку и тешил себя надеждой на то, что вот здесь-то как раз и найдутся те самые слова или цифры, которые подтолкнут мою увязшую в весенней распутице память. А вечером я созвонюсь с Борисом, он завтра же приедет ко мне. Рано отчаиваться, еще не все возможности исчерпаны, я буду пытаться, буду стараться, изобретать все новые и новые способы заставить амнезию сдать свои позиции. Я справлюсь с ней. Сам справлюсь. И не нужны мне никакие психоаналитики.

– Ожил! – Борькин голос звучал в трубке непривычно-насмешливо. – А мне Ольга Андреевна запретила тебя тревожить, и я как хороший мальчик сижу тихонько и не высовываюсь. Ты же знаешь, я привык слушаться твою маму. Ну как ты?

– На все сто, – бодро отрапортовал я. – Очень хочу с тобой повидаться. Ты сможешь вырваться ко мне?

– Нет вопросов, – тут же ответил он. – Говори, когда и куда ехать. Ольга Андреевна так тебя законспирировала, что я даже не знаю, где тебя держат.

Я продиктовал ему адрес, заручился обещанием Бориса приехать завтра же прямо с утра, принял душ и улегся в постель вполне умиротворенным. За вечер я успел одолеть примерно треть всех бумаг, которые оставила мне Муся, но в голове ничего не прояснилось. Это меня не обескуражило, ведь впереди были еще две трети содержимого синей папки, а главное – встреча с Борисом. Но матушка-то, матушка-то какова, а? Теперь хоть понятным стало, почему Борька не объявился. Наверняка он, узнав об аварии, кинулся названивать и мне домой, но там ему никто не ответил, и на мой мобильник, который оказался отключенным из-за севшей батареи, и матушке, которой сначала тоже не было, но которая в конце концов приехала и элегантно отшила его. Тревожить меня, видите ли, нельзя! Да чем Борька может меня потревожить, скажите на милость? Я все понимаю, матушка всегда хотела безраздельно владеть своими детьми, а после смерти Веры это желание обрушилось на меня одного. Она ревновала меня к первой жене, ревновала к Лине и, мне кажется, подспудно хотела, чтобы я вообще никогда не женился и оставался до конца жизни маминым сыном. Нет, она никогда не позволяла себе дурно отзываться о моих женах и друзьях, а если и критиковала их, то очень деликатно и, надо признаться, всегда по делу. Ольга Андреевна – умнейшая женщина, но даже у самых умных людей в подсознании творится черт знает что. Как она обрадовалась, когда я согласился с тем, что не нужно дергать Лину и срочно вызывать ее в Москву! С какой готовностью согласилась с тем, что я не хочу выходить из клиники и включаться в привычный круг контактов, пока не справлюсь со своим страхом попасть впросак и выглядеть нелепо. И как ловко отсекла от меня Борьку Викулова. Хорошо еще, что не посмела таким же манером обойтись с Мусей, все-таки понимает, что Муся – это не столько эмоции, которые могут меня разволновать, сколько дело, работа, в конце концов – деньги.

Перед тем, как лечь спать, я некоторое время обдумывал неожиданно пришедшую в голову мысль пойти погулять по парку. А что, если во время такой же, как вчера, поздней прогулки в темноте я снова услышу те странные звуки, но на этот раз увижу их источник, и это окажется нечто абсолютно безобидное? То есть никто и не собирался меня убивать, никто в меня не стрелял, нет никакой опасности для жизни, и в то же время нет слуховых галлюцинаций. Иными словами, и ни во что страшное я не вляпался, и с головой у меня все в порядке. Идея была весьма и весьма соблазнительной, но как человек, набивший руку на продумывании интриг для своих сюжетов, я быстро просчитал, что вариантов может быть целых три. Либо тот, о котором я подумал в первую очередь, самый красивый и желанный. Либо я ничего не услышу, вчерашняя история так и не получит разъяснения, и я буду продолжать мучиться вопросом: было это или не было. Либо меня все-таки убьют, чего уж совсем не хотелось бы. «Завтра, – решил я, опуская голову на подушку, – завтра я выйду гулять днем, когда светло и в парке много людей. Если меня собирались убить, то на глазах у всех сделать это не посмеют. А если нет, если у тех звуков совсем иное происхождение, то будем надеяться, что мне повезет, я снова их услышу и все выясню. Как просто! И почему я не сделал этого сегодня? Завтра сделаю обязательно».

Едва Борис переступил порог моей палаты, я почуял неладное. Может, не зря матушка боялась, что встреча с ним может меня расстроить? Борька Викулов, мой ровесник и одноклассник, был совершенно седым. Белым как лунь. Щеки заметно опали. Походка была не такой стремительной, как прежде. Что с ним? Неужели тяжелая болезнь свалилась на него? А я ничего не помню.

Наверное, мина у меня была чрезмерно выразительной, потому что Борька усмехнулся:

– Что смотришь как неродной? Не узнаешь? – Мне понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя и обрести способность внятно говорить.

– Прости, Боря… Я ведь не помню ничего. Что с тобой? Ты болен?

– Я? – он расхохотался, и смех его был прежним, раскатистым и громким. – Теперь уже нет. Теперь я здоров. Да ты не переживай, Дюхон, ты меня в таком виде и не видел. Мы ж с тобой больше двух лет не встречались.

То есть как это не встречались? А на кладбище? Я отчетливо помню, что мы виделись с Борькой в феврале девяносто девятого, в день рождения Веры. Потом было то самое восемнадцатое июля, после которого я ничего не помню, а потом еще август – день рождения отца, октябрь – день его смерти, декабрь – день смерти сестры. Потом снова февраль, уже двухтысячного года, и снова август, октябрь и декабрь. И февраль две тысячи первого. Восемь дней поминовения, и что, ни на одном из них я не виделся с Борькой? Как же так, почему? Неужели он два года болел?

– Прости, Боря, – растерянно повторил я, потому что никаких других слов придумать не мог. – Я действительно ничего не помню. Расскажи, будь другом.

– Да уж вижу, что ни хрена ты не помнишь! – Чуть прихрамывая, он пошел мне навстречу, протягивая руку. Мы коротко обнялись, и я полез в шкаф-сервант, где стояли предусмотрительно привезенные матушкой бутылки с дорогими спиртными напитками на случай необходимости отблагодарить кого-то из персонала.

– Мне нельзя, а тебе налью. За встречу. Что ты будешь, коньяк, виски, водку?

– Ничего, Дюхон, не буду, я за рулем.

Это что-то новенькое! До сих пор у Борьки были водители, так что проблема вождения никогда не принималась в расчет, если речь шла о выпивке.

– А водитель?

– А водителя нету, – он картинно развел руками в шутовском жесте.

– Именно сегодня или его вообще больше нет? – уточнил я, пытаясь осмыслить перемены, произошедшие с другом.

– Вообще нет. У меня больше нет водителей. Я теперь сам езжу, как нормальный человек. Да что ты смотришь на меня как на привидение! Давай убирай обратно свою бутылку, садись и рассказывай, как ты дошел до жизни такой.

– Да нет уж, – я покачал головой, – это ты рассказывай. Какая такая хворь тебя подрубила?

– Социально-политическая, – Борька снова усмехнулся, но на этот раз его лицо выражало сарказм. – Называется она «уголовное дело против богатого бизнесмена». Слыхал про такие болячки?

Вот это номер! Выходит, против Борьки возбудили дело!

Но, судя по тому, что он сидит у меня в палате, а не на нарах, все обошлось, только здоровье ему попортили и нервы помотали. Борька был немногословен, но присущее ему чувство юмора сделало рассказ об отношениях с правоохранительной системой весьма легким и забавным по форме. Однако по сути все это было ужасным. Просто ужасным. Его арестовали и несколько месяцев держали под стражей в одной камере с уголовниками. Его жестоко избивали и сокамерники, и сами милиционеры, добиваясь нужных им показаний о незаконных финансовых операциях и переводе денег на зарубежные счета. Пытались навесить ему организацию каких-то убийств, которые, видимо, давно не могли раскрыть. Потом шили дело об участии в транзите наркотиков. Потом у милиционеров и прокуроров сменилось руководство, пришли новые люди с новыми друзьями, у которых были свои конкуренты, и новыми идеями о том, как помочь этим самым друзьям в борьбе с этими самыми конкурентами. Короче, Бориса Викулова выпустили, а дело закрыли. В камеру Борька пришел здоровым богатым мужиком, любящим отцом и любимым мужем. А вышел полным инвалидом, с отбитыми почками, раздробленным коленом и кучей других болячек. И совершенно седым. И почти нищим, во всяком случае, по сравнению с былым достатком. Его фирму растащили по кусочкам доброжелательные партнеры якобы в целях спасения его самого и, радостно взмахнув серебристыми

крыльями, принадлежащими Аэрофлоту, Свиссэру и Люфтганзе, отбыли за рубеж спасать все остальное. Юристы у них были грамотные, и Борьке по выходе из следственного изолятора даже претензии предъявить оказалось некому. Любящая жена не пришла в восторг от подобного расклада, который стал ей, находящейся на свободе, очевиден куда раньше, чем сидящему в застенке Борьке. Она потребовала развод, пока он еще был под арестом, и упорхнула от него в кресле салона бизнес-класса самолета, выполняющего рейс по маршруту Москва – Цюрих. Рядом с ней, на соседнем кресле сидел правая рука Бориса, его заместитель, доверенный человек, которого Борька считал своим другом. Сын, чуть постарше моей Светки, остался с ним в Москве, мать не захотела тащить с собой этого почти совсем безмозглого двадцатитрехлетнего шалопая, обнаруживающего пагубные пристрастия как к безделью и красивой жизни, так и к наркотикам. Впрочем, возможно, на таком решении настаивал ее сосед по самолетному креслу. Во всяком случае, все проблемы Борькина экс-супруга решила оставить на Родине, как при переезде на новую квартиру избавляются от хлама и берут с собой только хорошие вещи.

Вот, собственно, и вся история. Борька долго лечился, благо какие-то деньги у него все-таки были, и теперь начинает все сначала, с нуля. Создал новую фирму и потихоньку набирает обороты, но уже не так быстро и успешно, как это у него получилось в конце восьмидесятых, когда все экономические ниши были свободными и доступными, занимай сколько сможешь и успеешь. Теперь пирог давно разрезан на дольки и после длительных кровавых войн окончательно поделен. Ну, почти окончательно. Так что втиснуться в плотные ряды успешных бизнесменов намного труднее. Остается малый бизнес, что само по себе неплохо для людей с невысокими запросами и умеренными амбициями, но разве Борису это подойдет? Борису, сегодняшних доходов которого едва хватает на то, чтобы содержать дом в ближнем Подмосковье с бассейном, теннисным кортом и зимним садом. Когда-то средства на содержание этого трехэтажного дворца смотрелись сущими копейками, на которые можно даже внимания не обращать, теперь же они съедали почти весь месячный бюджет отца и сына. Борька выставил дом на продажу, но результат пока нулевой, уж больно дорогим оказался дворец, если у кого и есть много денег и желание жить в собственном доме в экологически чистом месте, так он лучше построит себе что-то по собственному вкусу, чем станет покупать «секонд-хенд». Так что продавать придется с огромными потерями, может, кто и соблазнится. Но пока никто не соблазнился. Однако дабы не амортизировать имущество и держать дом в чистоте, порядке и постоянной готовности к осмотру потенциальным покупателем, Борька с сыном живут в Москве, снимают небольшую квартирку. Вот почему доктор Василий Григорьевич не смог дозвониться до него ни по одному из старых телефонов. Даже номер мобильника у него другой, ведь, пока Борька парился в камере, никто его счетов не оплачивал, и телефонная компания просто расторгла контракт в одностороннем порядке.

– Слушай, а почему мы с тобой на кладбище не встречались? – спросил я. Меня очень интересовал этот вопрос, ведь Борькина печальная эпопея с арестом и последующим лечением занимала, как я понял, чуть больше года, во всяком случае, в декабре прошлого года и в феврале нынешнего он вполне мог помянуть Верочку в день ее смерти и в день рождения.

В глазах Бориса мелькнуло что-то мне ранее неизвестное. Мелькнуло, но тут же исчезло.

– Я ездил на кладбище. Попозже, к вечеру. Тебе не звонил, о встрече не договаривался, – коротко ответил он.

– Но почему?

– Не хотел, чтобы ты меня таким видел. Стеснялся своей немощности, своей хромой ноги. Даже того, что езжу на машине без водителя. Теперь вот, когда ты сам получил проблемы со здоровьем, мне стесняться нечего. Ольга Андреевна мне сказала, что у тебя амнезия, ты почти два года своей жизни забыл. А я вот смотрю на тебя и все понимаю. На тебе пахать можно, тебя оглоблей не перешибешь, а ты в больнице валяешься и строишь из себя умираю-

щего. И понимаю я, что ты своего недуга стесняешься. Точно так же, как и я стеснялся. Скажешь, нет?

– Скажу – да. Ты угадал.

– Хочешь, еще кое-что угадаю?

– Валяй.

– Ты меня позвал, чтобы я тебе рассказал что-нибудь о твоей жизни за эти два года. Верно?

– Да ты что, Борька! – возмутился я, ощутив в душе неприятный укол. Он всегда меня насквозь видел, этот друг детства. – Я просто соскучился по тебе. Повидаться захотелось.

– Не свисти, Дюхон, а то я тебя не знаю. Но тут я тебе, к сожалению, ничем помочь не смогу.

– Мы что, и по телефону не общались? – недоумевал я. – Разве я не поздравлял тебя с днем рождения, с Новым годом? А ты – меня.

– Да нет, отчего же, – Борька улыбнулся, – мы перезванивались. Как обычно, трепались минут по пять-десять. Но никакими проблемами ты со мной не делился. Не знаю, может, тебе неудобно было разговаривать, может, Лина или Женька рядом сидели. Ты вообще-то и раньше со мной не особо делился, даже когда на кладбище встречались. А правда, странное чувство появляется: только когда попадаешь в беду, понимаешь, есть у тебя друзья или нет. Я сам через это прошел, только чуть раньше. Друг – это ведь не обязательно тот, кто готов помочь по первому зову. Это человек, который тебя знает как облупленного и понимает и которого ты никогда и ни в чем не будешь стесняться. Грустно, правда? Когда я понял, что стесняюсь тебя, я понял, что мы давно перестали быть друзьями. А теперь выясняется, что я ничего о тебе не знаю. Ты, правда, меня не стесняешься, предъявляешь мне свой недуг вместе со всеми проблемами. Но не рассказывал ничего о себе, и мы давно уже общаемся не как друзья, а как случайные знакомые. Дюхон, во что же мы с тобой превратились, а? Куда мы дели нашу дружбу?

В его голосе зазвучала такая неподдельная тоска, что мне стало не по себе. Он прав, прав в каждом своем слове.

– Наверное, на денежный бизнес променяли, – я попробовал перевести разговор на более легкую ноту. – На самом деле мы с тобой просто вступили в тот возраст, когда начинаем думать не столько о карьере и деньгах, сколько о душе. Вот и приходится все переоценивать. Жаль, что я ничего тебе не говорил о своих делах. Похоже, я совсем запутался.

– Да ну? – Борька вскинул брови и с интересом глянул на меня. – Никогда не поверю. Ты, Дюхон, всю жизнь был таким тихим и правильным, что невозможно представить тебя запутавшимся. Ты же ходячий образец бесконфликтности. Ну-ка рассказывай, что стряслось.

Внезапно я так разволновался, словно экзамен сдавал. Руки затряслись, и мне показалось, что я даже с голосом своим не справлюсь. Да что это со мной? Будь на месте Борьки другой человек, я прибегнул бы к испытанному средству, представив собеседника в образе животного, птички или цветочка, это всегда мне помогало. Но Борьку я не умел видеть никем, кроме Борьки. Точно так же, как не видел других образов для мамы. Не было их у меня и для отца, и для сестры Веры, когда они еще были живы. Почему – не знаю. Может, оттого, что я знал этих людей с детства. Может, оттого, что относился к ним хотя и критично, но нежно и очень любил.

Рассказ мой получился, наверное, не очень связным, я так и не смог преодолеть непонятно откуда взявшееся волнение. Но Борька уловил суть проблемы.

– Могу предложить тебе версию, – тут же откликнулся он, едва я закончил свое путаное повествование. – Ты что-то узнал о Светкином музыканте, что-то плохое, и решил денег ему не давать. Но не хотел огорчать девочку, поэтому тянул с объяснениями. Скорее всего, ты встречался с этим типом, как его, Гарик? Да, так вот, ты встречался с Гариком, сказал ему, что денег

не дашь, но пообещал, что дочери ничего плохого о ее музыканте говорить не будешь, и взял с него слово, что он сам от нее отстанет. Он тебе такое слово, вероятно, дал. Но от девочки не отстал, продолжает морочить ей голову, а она искренне не понимает, что происходит и почему ты не даешь денег. Тебя это сильно тревожило, наверное, этот Гарик связан с какими-нибудь бандюками, и ты постоянно боялся, что он втянет Светку в криминал. Ты переживал, дергался, и вот в этом-то состоянии ты и попался Ольге Андреевне. Голова у тебя была занята исключительно Светкиной проблемой, ты вовремя не сосредоточился, дал слабину, и она тебя подловила, вытянула обещание написать книгу о Верочке. Как версия, годится?

– Слушай, – ошеломленно протянул я, – мне такое и в голову не пришло. Ну ты умен! А выстрел? Думаешь, мне почудилось?

– Всякое может быть, – Борис пожал плечами. – Могло и почудиться. А могло быть и на самом деле. Ты ведь сказал Светке, что денег не дашь, пока память не восстановится и ты не поймешь, в каком состоянии твои финансовые дела. Она передала это Гарику, а тот разозлился и хочет тебя наказать. Или запугать. Чем не объяснение?

Хорошенькое дело! Получается, в меня стрелял любовник родной дочери? И если я попытаюсь доказать, что это именно он, то его посадят и я своими руками сделаю собственного ребенка несчастным. И она потом много лет мне этого не простит. Точно так же, как не простят меня и его дружки-бандюки, которые с легкостью необычайной в три минуты превратят меня в бездыханное тело. Перспективка, однако…

– Нет, Борька, – я решительно поднялся с кресла, движимый желанием опрокинуть в себя рюмку коньяку, но вовремя спохватился, вспомнив, что мне этого категорически нельзя. Пришлось заменить коньяк стаканом минералки. – Это не годится. Придумай что-нибудь другое.

– Почему же не годится? – в Борькином голосе в равных пропорциях смешались насмешка и удивление. – По-моему, все очень логично. Просто тебе это не нравится, поэтому ты не хочешь об этом слышать. Я могу придумать и другую версию. Но не раньше, чем будет проверена и опровергнута эта. Надо быть последовательным, Дюхон, а не прятать голову в песок.

В висках застучало, лоб, а потом и затылок начнут через несколько минут наливаться раскаленным чугуном. Видно, мне и в самом деле нельзя нервничать, чуть испугался, слегка психанул – и вот, пожалуйста. Борькино объяснение событий мне не нравилось, но сам-то я вообще ничего толкового придумать не мог. Правильно говорят, что любая фантазия основывается на жизненном опыте. Борис посидел несколько месяцев с уголовниками – и результат налицо. Мне бы никогда в жизни такого не придумать. А кстати…

– А кстати, как я мог узнать что-то плохое о Гарике? – спросил я тоном экзаменатора. – Откуда бы мне это узнать?

– У тебя есть знакомые в милиции. Ты мог попросить их навести справки о типе, который крутится вокруг твоей дочери.

– А с чего бы это мне наводить о нем справки в милиции? Я ни о ком никогда справок не наводил, нет у меня такой привычки, – тут же отпарировал я.

– Ты мог его в чем-то заподозрить. Ты же сам говорил, что встречался с ним, слушал его музыку. Тебе могло что-то не понравиться. Или ты что-то заметил нехорошее. Или вообще совершенно случайно узнал, такое бывает сплошь и рядом. Слушай, Дюхон, кончай проверять меня на вшивость. Принимай решение: или ты хочешь знать правду, тогда я постараюсь тебе помочь, или не хочешь, тогда ложись под одеяло и майся своими туманными подозрениями в одиночку.

Я помолчал, прислушиваясь к собственной голове. Не к мыслям, а именно к голове как сосуду, содержащему то засыпающую, то активно живущую боль. Боль просыпалась, но медленно, словно колебалась, то ли открывать глаза и вставать, то ли поспать до следующего раза, когда еще что-нибудь с размаху саданет по нервам.

– Ты что, в самом деле готов мне помочь?

– Ну а почему нет? Да ты в моей помощи и не нуждаешься особо, свяжись сам со своими милицейскими знакомыми, попроси их узнать.

– Не могу, – признался я. – Я же не помню ничего. А вдруг за эти два года я с кем-то из них испортил отношения? Я этого не помню. И как я буду выглядеть, если позвоню этому человеку и на голубом глазу стану просить о помощи? Идиотская же ситуация, согласись.

– Дюха, ну не валяй ты дурака! – Борис даже, кажется, рассердился. – Ну с кем ты вообще можешь испортить отношения? Ты же сладкий, как карамелька. Ни с кем не ссоришься, ни с кем не конфликтуешь, всех по шерстке гладишь.

– Не хочу выглядеть глупо, – упрямо проворчал я.

– Ах ты боже мой, какая кисейная барышня! – И в этот момент я понял, куда делась наша с Борькой дружба. Я вспомнил, как в какой-то момент, лет в девятнадцать или в двадцать, вдруг осознал, что минут через двадцать-тридцать после начала разговора с ним меня начинало одолевать желание завизжать и швырнуть в Викулова чем-нибудь тяжелым. Это повторялось из раза в раз, порой я срывался, повышал голос, грубил, мы ссорились, потом, конечно же, мирились, но при следующей нашей встрече длительностью более получаса все повторялось снова. Тогда у меня не хватало ума и жизненного опыта, чтобы это объяснить, я принимал свою раздражительность по отношению к другу как данность и, не пытаясь разобраться в собственных чувствах, стал избегать длительного и тесного общения с ним. Может быть, это называется психологической несовместимостью. Борька никогда не был деликатным и тактичным и резал в глаза все, что думал. Я научился избегать опасности, и наши получасовые встречи на кладбище проходили тепло и дружелюбно, поскольку разговоры не заходили дальше обмена самой общей информацией о родных и близких. Сегодня я нарушил правило, легкомысленно забыв о том, что нельзя обсуждать с Викуловым ни себя самого, ни свои проблемы. И разговор-то наш длится уже два часа, давно перевалив за запретный тридцатиминутный барьер.

Мне снова, как и двадцать лет назад, захотелось завизжать, омерзительно и истерично.

И самое ужасное, что Борька это понял. Окинув меня тяжелым и одновременно снисходительным взглядом, он медленно поднялся, с видимым усилием оторвав некогда поджарое, спортивное тело от мягких диванных подушек.

– Ладно, не злись, Дюхон. Что, в морду мне дать хочется? Это пройдет. После сотрясения мозга и не такое бывает. Я поеду, пожалуй, а ты подумай пока над тем, что я сказал. Захочешь, чтобы я тебе помог, – звони. Захочешь, чтобы я приехал, – опять же звони. Не стесняйся, мы с тобой теперь оба хромые, только я на ногу, а ты на голову.

Борькин визит оставил в моей душе странный отпечаток. Минут через десять после того, как за ним закрылась дверь, я отправился в ванную, разделся до трусов и принялся разглядывать себя в зеркале. За два года Викулов сильно сдал. А я? Два года назад вот этой складки на боку не было, и вот этой тоже, да и здесь было явно поменьше. Похоже, за съеденный амнезией период я нарастил не меньше пяти килограммов. Конечно, стройным и поджарым, как Борька, я никогда и не был, с детства отличался рыхлостью, хорошим аппетитом и отвращением к любым физическим усилиям. По настоянию матушки Лина периодически сажала меня на какие-то диеты и подсовывала разные пилюльки с целью оздоровления и очистки организма, и, наверное, только благодаря им я не раздался до неприличия. Вообще собственная внешность меня не беспокоила, ибо вниманием противоположного пола я никогда не был обделен. Считалось, что я обаятелен и талантлив, а женщинам этого вполне достаточно, чтобы влюбиться, будь ты однoруким, горбатым и кривым.

Но сегодня, после встречи с Борисом, я вдруг понял, что не хочу, чтобы на меня смотрели с жалостью и недоумением, так же, как я сегодня смотрел на него. Я не хочу, чтобы меня считали «хромым на голову». И не хочу, чтобы мое обрюзгшее тело терпели и прощали

только потому, что над ним возвышается голова, доверху набитая обаянием и талантом. Никогда прежде подобные мысли меня не посещали.

Решено, завтра же я потребую, чтобы меня проконсультировал спортивный врач и назначил разрешенную дозу физических нагрузок. А сегодня пойду посмотрю на их хваленый тренажерный зал. Раз уж я все равно здесь отсиживаюсь, то надо этим воспользоваться.

И еще: хватит изображать затворника. До сегодняшнего дня завтрак, обед, полдник и ужин мне приносили в палату. С завтрашнего дня начну питаться в общей столовой, иначе мне грозит полная утрата навыка общения с незнакомыми людьми.

ГЛАВА 4

«Если не можешь изменить ситуацию, измени отношение к ней. Если не можешь восстановить свое место в окружающем мире, создай его заново. Кого – его? Мир? Невозможно. Он таков, каков есть. Речь может идти только о создании своего места. О его формировании и укреплении».

Мысль казалась мне вполне конструктивной, и зародилась она в моей голове к концу первой недели интенсивных занятий по приведению в порядок собственного бренного тела. За эту неделю я еще раз перечитал обе книги – «Время дизайна» и «Треугольный метр» – и не открыл ничего для себя нового, кроме того, что написаны они очень недурственно и читаются с неослабевающим интересом. Заодно мне удалось набрести на одно, на мой взгляд, довольно толковое соображение: мне нужно было собирать материал для «Треугольного метра», а это означало, что я, как и всегда, как минимум на три-четыре месяца погружался в среду. Искал риэлторскую фирму, которая согласилась бы выделить мне уголок в своем офисе и терпеть мое присутствие и бесконечные дурацкие вопросы. Разумеется, и речи не было о том, что я там обзавелся друзьями, это не мой стиль. Но я же общался с этими людьми, причем ежедневно, и если какое-то событие существенно выбило меня из колеи, они должны были заметить перемену в моем настроении. Правда, радоваться этой идее мне пришлось недолго, от силы минут пять, ибо я быстро сообразил, что сидеть в фирме должен был весной прошлого года, летом и осенью я уже писал книгу, собираясь в январе сдать ее в издательство, а обещание, данное дочери, имело место именно осенью, то есть уже после того, как я перестал общаться с торговцами недвижимостью. Однако даже в разрушенной надежде всегда прорастает новое зерно: в январе я сдал книгу, а дальше что? Без дела сидел, что ли? Не похоже на меня. Наверняка я начал над чем-то работать, может быть, уже подыскал себе место предстоящего «погружения», и вот там-то и следует поискать сведения о моем поведении и душевном состоянии.

С другой стороны, я обещал матушке начать писать книгу о Верочке, а для этого мне никакого погружения не требовалось, о жизни сестры я и так все знал. Так начал я книгу или нет? Судя по словам мамы, пока что все дело ограничивалось только обещаниями, иначе она выложила бы передо мной наброски и предварительные наработки как козырную карту. Так что же я делал целых три месяца, закончив «Треугольный метр»? Баклуши бил? Маловероятно. Только Муся может мне ответить, но она по уши занята канадским «безумцем», и у меня не хватает наглости звонить ей и требовать внимания. Ведь такой разговор – не на две минуты, а она постоянно рядом с гостем, синхронит для него. Ничего, подожду еще немного, «безумец» отвалит на свою историческую родину, и у Муси будет достаточно времени для неторопливого и долгого разговора со мной.

Однако с каждым днем стремление восстановить память и, следовательно, окружающий меня мир становилось все слабее, уступая место замечательной идее выстроить свое место в этом мире заново. Почему я должен беспокоиться о том, не испортил ли я отношения с тем или иным человеком? Не стану я тревожиться об этом, куда проще забыть о нем и перестать с ним общаться. Сделать вид, что такого человека в моей жизни вообще не было. Или, наоборот, выбросить из головы подозрения по поводу того, что я кого-то обидел, и вести себя как ни в чем не бывало. Ведь ежели я сам не помню своего свинского поступка, то какой резон на меня обижаться?

Логики в таком подходе было маловато, и я это отчетливо сознавал, однако на уровне эмоций испытывал сильный соблазн поддаться. Интересно, как отреагирует матушка, если я ей заявлю: «Я не помню своего обещания написать книгу о сестре, и поэтому не буду ее писать. Я не могу выполнять обещания, которых не помню и за которые не отвечаю. В моем нынешнем состоянии слова «не помню» синонимичны словам «этого не было». Наверное, в ответ я

услышу, что Верочка никогда так себя не повела бы и почему господь забирает к себе самых достойных, а всякая безответственная мразь продолжает коптить небо. Под безответственной мразью в данном контексте подразумевался бы, естественно, я. Апофеозом могла бы стать фраза, которую мне приходилось уже слышать: «И почему умерла она, а не ты?! Уж Верочка нашла бы способ увековечить твою память и успокоить мать». Конечно, мама была не в лучшем душевном состоянии, когда произносила такое, но мне-то от этого не легче, ведь я это слышал и помнил, эти слова оседали на дно души и постоянно зудели и пульсировали, как гноящаяся ранка. Вообще-то моя Ольга Андреевна человек деликатный, но не от природы, а от ума, от понимания, как надо себя вести в приличном обществе. Однако, выведенная из состояния душевного равновесия, она нередко позволяла себе такое, что, не будь я ее сыном, – хлопнул бы дверью и навсегда прекратил бы всякие контакты с ней.

И тем не менее, чем больше времени проходило с того момента, когда я столь неосмотрительно вышел поздним вечером в больничный парк, тем менее реальным казался мне звук выстрела. Выстрел – то единственное, что на уровне здравого смысла не позволяло махнуть рукой на амнезию. Я должен все вспомнить или восстановить искусственным путем, чтобы понять, кому я мог насолить или помешать и кто пытается меня убить. Но если оставить неудачное покушение за рамками рассуждений, то ничто не мешает мне плюнуть на коварную память и на эти несчастные два года, которые на поверку оказались не таким уж катастрофически большим сроком, чтобы из-за них стоило так напрягаться и ломать копья. Ну не помню – и не помню, и хрен с ним со всем. Буду жить дальше. И, вполне вероятно, буду жить по-другому. Чем плохо? А переживания человека, в голове которого таинственные биохимические процессы растворили, как серной кислотой, почти два года жизни, – прекрасный материал для следующей книги. И погружение имеется в полном объеме, осталось только интригу соорудить.

В первые два дня занятий в фитнес-центре от меня буквально не отходили три врача сразу: спортивный, терапевт и Голая Собачка Эмма. Через каждые десять минут измеряли давление и проделывали еще какие-то манипуляции, чтобы выяснить, какую нагрузку можно мне разрешить. В конце концов все трое облегченно вздохнули, велели запомнить одно-единственное число – сто десять, и оставили меня в покое. Я должен был следить за показаниями на мониторе тренажеров и при частоте пульса свыше ста десяти немедленно снижать нагрузку или делать перерыв. Во всем остальном никаких ограничений не последовало, и я, перепробовав все, остановил свой выбор на велоэргометре, беговой дорожке, комплексной доске и бассейне. Наверное, я наделен излишним воображением, но занятия на тренажерах помогали мне еще и психологически, я постоянно представлял себе, как уезжаю на велосипеде, ухожу, убегаю, уплываю от того времени и места, где слышал выстрел. И сам выстрел словно таял в тумане, становился расплывчатым, терял очертания и превращался в сон, в бред, в плод воображения…

Я удивительно быстро набирал форму, если в первый день занятий мне удалось проработать на велоэргометре только пять минут при минимальной нагрузке, после чего сердце заколотилось с непозволительной частотой, то сегодня, на седьмой день, я легко справился с двадцатью минутами и вот уже двадцать пять минут шагал по беговой дорожке со скоростью шесть с половиной километров в час и подумывал о том, не увеличить ли мне угол наклона. Никогда не думал, что физические нагрузки могут приносить моральное удовлетворение, но мне казалось, что я крепну, наливаюсь силой и выносливостью прямо на глазах, и меня это ужасно радовало. Словно помешанный, я дважды в день вставал на весы и готов был прыгать как ребенок, увидев, что во мне стало на сто или двести граммов меньше. Однако же за неделю эти ежедневные смешные граммы сложились в целый килограмм, что, конечно же, не оставило меня равнодушным.

После тренажеров я отправлялся в бассейн и начинал неторопливо водить руками в голубой воде, изображая плавание брассом. В отличие от тренажерного зала, где я накачивался здоровьем в гордом одиночестве, в бассейне всегда было много народу, и за неделю я успел перезнакомиться практически со всеми любителями водных процедур. Публика разномастная, разновозрастная и разнопроблемная, объединенная лишь одним: тугим кошельком, своим или чужим, позволяющим здесь находиться. Из всех болезных пловцов я особо выделял только двоих, остальные слились для меня в кашеобразную массу.

Пожилого Павла Петровича я заприметил в первый же день. Вообще-то лечился он от какой-то болезни позвоночника, посему по совету врачей торчал в бассейне целыми днями. Но, на мой непрофессиональный взгляд, ему не помешал бы и психиатр, хотя тогда Павел Петрович утратил бы всю свою прелесть, состоявшую в том, что он пытался научить всех окружающих бережно относиться к словам. «Бережно» в его понимании означало «экономно», то есть произносить следовало только те слова, которые несут полезную информационную либо эмоциональную нагрузку. Причем старикан особо настаивал на соблюдении принципа полезности. По-моему, он уже достал своими нравоучениями всех, кто посещал бассейн. Я же от души развлекался общением с ним и даже специально провоцировал на очередную менторскую тираду. Павел Петрович являл собой яркий типаж, и просто грех было бы упустить возможность понаблюдать за ним, чтобы потом вставить в книгу.

Наше знакомство началось с моего опрометчивого возгласа, случайно совпавшего с брошенным на проходящего по бортику бассейна пожилого человека взглядом:

– Какая вода теплая!

Он тут же остановился и вперил в меня небольшие серые глазки, уютно устроившиеся между старческими складочками на лице.

– Молодой человек… не имею чести знать вашего имени…

– Андрей.

– Очень приятно. Павел Петрович, – представился он. – Вам кажется, что я в костюме от Сен-Лорана?

Вопрос показался мне более чем странным, и я даже не нашелся, как ответить, чтобы получилось в том же стиле. Просто я в тот момент стиля еще не понял.

– Да нет, – простодушно брякнул я, – по-моему, вы в плавках.

– И как вам кажется, мои плавки мокрые или сухие? – Только тут до меня дошло, что идет некая игра, и мне стало интересно и весело. Но я решил пока не выпендриваться, все-таки пожилой человек…

– По-моему, мокрые, – честно сказал я, – с них вода капает.

– Совершенно верно, – Павел Петрович назидательно поднял палец. – Из чего можно сделать вывод, что я уже плавал и имел возможность лично ощутить, какова температура воды в бассейне. Так зачем же вы мне это сообщаете? Для чего вы тратите слова на то, чтобы проинформировать меня о факте, который мне заведомо известен?

В первый момент я собрался было огрызнуться, дескать, с чего он взял, что я собирался ему что-то сообщать, да я просто сам с собой вслух говорил, и произнес-то я всего три слова, пусть и ненужных, на его взгляд, а он в ответ сколько слов потратил, дабы разъяснить мне мою тупость? Но чисто детский порыв удалось вовремя усмирить, и слава богу. Дядька показался мне забавным, и я решил продолжить игру.

– Согласен с вами, вы совершенно правы, – мне не совсем удалось справиться с эмоциями, и хоть я и старался подпустить в голос побольше раскаяния, все равно наружу выперло лукавство. А Павел Петрович, не будь дурак, это сей же момент заметил и не замедлил отреагировать:

– Не лгите, молодой человек. Если бы вы были согласны со мной, то постарались бы сделать выводы из только что преподнесенного вам урока и следить за своей речью, а вы снова

допустили ошибку, потратили лишние слова. «Согласен с вами» – вполне достаточно, вторая часть фразы была совершенно излишней.

Он спустился по лесенке в воду, продолжая читать мне лекцию об экономном и бережном отношении к словам, и мы медленно поплыли рядышком. К концу первого сеанса плавания я уже знал, что Павел Петрович страдает болями в спине, находится в клинике уже два месяца, а лечение оплачивает его состоятельная дочь – бизнес-леди. С того дня проводимый в бассейне час превратился для меня в неиссякаемый источник развлечений. Павел Петрович вещал, а я слушал, наслаждался и запоминал, чтобы по возвращении в палату записать наиболее яркие его высказывания.

Вторым человеком, который оказался мне симпатичен среди больничной публики, стала молодая женщина по имени Елена. Ну, во-первых, она была очень красивой. Конечно, дожив почти до сорока шести лет, я стал понимать, что понятие красоты весьма и весьма относительно и кто-то готов заплатить миллион долларов за обладание Клаудией Шиффер, а кто-то пройдет мимо нее и даже не обернется, поэтому, когда я говорю о том, что какая-то женщина красива, я имею в виду, что лично для меня, в моих глазах она обладает несомненной внешней привлекательностью. Хотя вкус у меня, как утверждают очевидцы, весьма специфический, как человек с художественным вкусом, я способен оценить изящество форм хрупкой блондинки или огненную грацию гибкой брюнетки, но как мужика меня всегда привлекали представительницы того типа, который я сам для себя называл «славянско-деревенским»: рослые круто-бедрые женщины с небольшой грудью, стройными сильными ногами, мягкими лицами и волосами темно-русыми или каштановыми. И желательно с небольшим избыточным весом, дабы мне не чувствовать себя рядом с ними огромным и толстым. Кто-то из знакомых мужиков однажды пошутил, что во мне силен инстинкт самца-производителя, потому что широкие бедра у женщины – это залог легких родов без риска травмы у младенца, а маленькая грудь, как правило, дает больше молока, чем пышная. Не знаю, может, он и прав, я как-то не задумывался над тем, почему мне нравится именно этот женский тип. К нему, кстати, относятся обе мои жены, и первая, и вторая, а также основная масса тех, с кем я крутил романы.

Елена была тихой и какой-то забитой. В отличие от Павла Петровича, который воспринимал меня просто как некоего Андрея, попавшего в автомобильную аварию, она сразу узнала писателя Корина, и порой я ловил на себе ее взгляд, в котором явно просматривалось обожание и восхищение. Но в разговорах она ничего такого себе не позволяла, просто в первый же день попросила разрешения взять автограф и принесла на подпись все мои книги. Все до единой. Сказала, что я ее любимый писатель и она, ложась в больницу, взяла с собой любимые романы. Конечно, я был растроган до глубины души и постарался для каждого автографа найти теплые, недежурные слова.

Общаться с Еленой было легко, она словно бы каким-то невероятным чутьем угадывала темы, которые я обсуждал с удовольствием, и темы, которые были мне неприятны. Кроме того, она, в отличие от всех остальных, не раздражалась от бесконечных поучений Павла Петровича и, казалось, получала от разговоров с ним не меньшее наслаждение, чем я. Впервые она появилась в бассейне три дня назад, и к сегодняшнему дню мы втроем составили маленький коллектив, не только вместе плавая, но и гуляя в парке, и занимая один стол в столовой. Меня все время подмывало спросить, чем Елена больна, но что-то меня удерживало, а сама она молчала. Однако если исходить из того, что она лежала в том же отделении, что и я, то есть в неврологии, то кое-какие предположения можно было строить, особенно учитывая ее поведение. Какая-то она была робкая, напуганная, что ли. В бассейне, например, никогда первой не подходила ко мне, терпеливо ждала, когда я сам ее замечу и поздороваюсь. Не проявляла инициативы в плане прогулок, просто соглашалась на мои или Павла Петровича предложения. И даже когда общительный и разговорчивый, постоянно нуждающийся в слушателях Павел Петрович стал уговаривать меня занять вместе с ним и Еленой один стол в общей столовой, Елена хранила

молчание, ничем не выдавая своих желаний, так что я до конца и не понял, хотела ли она, чтобы мы трижды в день встречались еще и за трапезой, не хотела ли или ей это было абсолютно безразлично.

Мысленно я называл их обоих «мой букет», ибо Павел Петрович напоминал мне высохший колючий чертополох, а Елена была похожа на мимозу, такая же нежная и боязливая, готовая увянуть от малейшего неосторожного прикосновения. Сегодня половина букетика уже мокла в воде, когда я появился в бассейне после занятий на тренажерах. Половина – потому что я заметил только Елену, жавшуюся в углу бассейна и тихонько перебиравшую ногами в воде. Бравого блюстителя чистоты речи нигде видно не было. Бросив полотенце и махровый халат на пластмассовое креслице, я скинул резиновые шлепанцы, нырнул в воду и подплыл к мимозе, одновременно думая о том, что же должно случиться в жизни молодой женщины, если при таком роскошном теле и привлекательном лице она производит впечатление хилого, жалкого, сломанного цветка.

– К Павлу Петровичу дочь с мужем приехали, он просил передать вам, что сегодня не составит нам компанию, – пояснила Елена в ответ на мой вопрос.

– Я надеюсь, это не означает, что мы с вами будем нарушать режим, – во мне тут же проснулся кобель. – Мы вместе обедаем, а в четыре часа идем гулять вдвоем.

Будь на ее месте не мимоза, а хотя бы василек, я бы не удержался от скабрезной шутки и между обедом и прогулкой вставил: «вместе проводим тихий час». Но с мимозами так шутить нельзя, того и гляди от ужаса все свои пушистые шарики посбрасывает. Мы мило болтали, Елена расспрашивала меня о европейских городах, куда я часто ездил, и об азиатских, в которых мне тоже довелось побывать. И даже смеялась, когда я рассказывал ей о Китае, об общественных туалетах без закрывающихся дверей и без унитазов, о непонятной европейцу манере являться без приглашения в гостиничный номер и о других вещах, удивлявших и забавлявших меня во время поездки по провинциям Куэньминь и Юньнань. Я был благодарен ей за то, что она ничего не рассказывала о себе, о своей личной и семейной жизни, потому что мне пришлось бы это слушать, а потом не нашлось бы приличного повода отвертеться от вопросов на аналогичные темы. Я совершенно не собирался обсуждать свою амнезию ни с Павлом Петровичем, ни с Еленой, ни с кем бы то ни было посторонним.

Закончив плавание, мы стали выползать на бортик. Я пропустил Елену вперед на лесенку и снизу смотрел на поднимающиеся из воды красиво очерченные плечи, вызывающие в памяти описание Элен Безуховой, сильную спину, пышные округлые ягодицы, мускулистые ноги. Такую женщину при других обстоятельствах я видел бы в образе породистой кобылы. Надо же, я и не обращал внимания, какой у нее красивый купальник! И те формы, которые он влажно и туго обтягивал, будили в моем воображении совершенно недвусмысленные фантазии. Но… Она сошла с последней перекладины, ступила на бортик, обернулась ко мне лицом, и я снова увидел перед собой хрупкую мимозу, готовую скончаться от грубого прикосновения. Все фантазии тут же свяли.

Мы разошлись по палатам, чтобы переодеться, и встретились за обедом. Елена пришла в столовую в свитере изумительного фиолетового цвета, который ей совершенно не шел, но сам по себе был чудо как хорош. Возможно, я судил необъективно, просто я этот цвет очень люблю.

– У вас красивый свитер, – заметил я, желая быть любезным.

Она долго молчала, глядя мне в глаза, словно я сказал нечто несусветное или уж слишком заумное, требующее тщательного обдумывания.

– Он мне не идет, я знаю, – тихо ответила она наконец. – Но я все равно его ношу, потому что мне цвет очень нравится.

Потрясающее единомыслие! А может, она экстрасенс? Точно, экстрасенс. Или телепат. Короче, она умеет читать мысли. И из-за этого у нее не складываются отношения с людьми, отсюда и нервные болезни. Вот почему мне так комфортно с ней общаться, вот почему она

не затрагивает темы, которые мне неприятны или неинтересны. Теперь все понятно, теперь я знаю, от чего она здесь лечится и почему не рассказывает о себе. Ай да Корин, ай да молодец, дотумкал все-таки, своим умом дошел, знаток человеческих душ, любимец публики! Умница.

Но не будем делать скоропалительных выводов, надо все перепроверить.

– А вы знаете, как характеризуются люди, которым нравится фиолетовый цвет?

– Знаю, – кивнула она. – Они хотят взаимопонимания, доверия, ласки. Я и не скрываю, что хочу этого. И вы тоже этого хотите, верно?

Ох ты какая! Разве я говорил, что мне цвет нравится? Я сказал, что свитер красивый, а о цвете и речи не было. Но она права, эта Мимоза с дрожащими шариками, я действительно хочу, чтобы рядом со мной был человек, который понимал бы меня и которому я мог бы доверять, и не в данный конкретный момент, а вообще. Я всегда этого хотел, всю жизнь. Я выбрал одиночество и карьеру писателя, но бывали моменты, когда меня мой выбор не просто не радовал – ужасал. И когда я общался с психологами, работая над книгой о спасателях, мне рассказывали о цветовом тесте Люшера и о том, как он работает. Вот тогда-то я и узнал, откуда у меня такая любовь к серому и фиолетовому цветам.

– С чего вы взяли? – фальшиво удивился я. – Почему вы решили, что мне не хватает ласки и взаимопонимания? Я ведь не ношу фиолетовых вещей, в отличие от вас.

– Вы носите серые, – мягко улыбнулась Елена. – А фиолетовые вам нравятся. Вы слышали про тест Люшера?

Да что ж это такое?! Стоит только подумать о чем-то, она тут же это улавливает, как будто я сам с собой вслух разговариваю. Неужели и в самом деле телепатка? Вот весело-то будет! Придется прекращать контакты с ней, а то буду чувствовать себя голым на всеобщем обозрении.

– Слышал, – я постарался быть сдержанным, не говорить лишнего и тем паче не думать. Хорошо бы и тему сменить как-нибудь поизящнее. – Вы, вероятно, психолог?

– Вовсе нет. Вам не кажется, что суп островат?

– Кажется, – с готовностью согласился я. Она сама сменила тему, и хорошо. Интересно, это было ее собственное решение или Елена подслушала мое желание?

Солянка и в самом деле была приготовлена по всем правилам, со специями и оливками. Но я не любил острую пищу. Однако как быстро она сориентировалась и перевела разговор на более безопасный для меня предмет! О кулинарии можно рассуждать спокойно и себя особо не контролировать. Спасибо тебе, чуткая Мимоза. Или все-таки телепатка?

До конца обеда мы деловито прообсуждали местную кухню, но, когда дело дошло до десерта в виде запеченных с вареньем яблок, я подумал, что не хочу идти гулять с Еленой без Павла Петровича. На меня снова наехал страх. В компании с Чертополохом разговор носил характер безличностного, ибо начинался с очередного монолога по поводу лишних слов, сказанных мной или Мимозой, и далее двигался по той же колее, опираясь на анализ классических текстов, хорошо известных и Павлу Петровичу, и мне. Кстати, на прогулки Засохшая Колючка являлся непременно с томиком кого-нибудь из известных писателей, который и подвергался уничтожающей критике. Я мысленно благодарил судьбу за то, что старикан меня либо не узнал, либо и не знал вовсе такого автора Андрея Корина, а Елена деликатно молчала. Могу себе представить, как бы дед меня уделал! Как бог черепаху.

Но Чертополоха сегодня с нами на прогулке не будет. И о чем у нас с Еленой пойдет разговор, сказать заранее трудно. А вдруг она действительно читает мысли? Может, лучше не рисковать?

– Андрей, вы не обидитесь, если я не пойду гулять с вами? – прожурчал ее голосок. – Очень голова болит, хочу поспать после обеда.

Я с облегчением перевел дух и тут же испугался. Нет, так не бывает, так просто не может быть.

К себе в палату я возвращался одновременно обрадованный и озадаченный. Но времени и возможности немедленно покопаться в ситуации и проанализировать все, что за несколько дней нашего знакомства сказала и сделала эта странная испуганная женщина, мне не предоставили. Потому что, открыв дверь, я обнаружил сидящую на диванчике мою жену Лину.

Ужин в общей столовой я, естественно, пропустил. Потому что сначала были слезы и очень короткий разговор, потом долгое совместное стояние под душем, потом постель, потом снова разговор, на этот раз длинный и неторопливый.

– Господи, я так этого боялась, – по щекам Лины то и дело скатывались слезинки. – Знаешь, когда твоя мама мне сказала, что за твое здоровье можно не беспокоиться, но ты потерял память, меня как обухом по голове стукнуло: а как же мы с тобой? У нас был такой прекрасный год, мы вдруг будто опомнились и начали все заново, мы влюбились друг в друга, гуляли по Москве, взявшись за руки, говорили какие-то милые глупости, занимались любовью почти каждый день. А теперь ты этого не помнишь, а раз не помнишь – значит, этого для тебя не было. Я для тебя по-прежнему та Лина, которую ты знал два года назад. И я просто не представляю, что нужно сделать, как сделать и вообще можно ли что-нибудь сделать, чтобы это вернуть. Андрюша, я так тебя люблю!

Ураган эмоций и страсти обрушился на меня совершенно неожиданно. Я мог предполагать все, что угодно, только не это: мой уход от Лины, уход Лины от меня, взаимное охлаждение и отдаление друг от друга – все в такой теме, но уж никак не всплеск романтических чувств. Господи, да что ж такое произошло со мной за эти два проклятых года?!

Я волновался, недоумевал и в то же время искренне радовался словам и поведению жены. Она потрясающе выглядит, намного лучше, чем та Лина двухлетней давности, которую я помню. Помолодела, посвежела, подтянулась. Наверное, и впрямь положительные эмоции красят женщин, а уж любовь и подавно.

– Я ведь от страха даже не позвонила тебе ни разу, хотя Ольга Андреевна знала твои телефоны, и больничный, в палате, и новый мобильный. Она сразу сказала, что тебе ни в коем случае нельзя волноваться, у тебя начинаются жуткие головные боли, и намекнула, что мне лучше тебя не тревожить, а я и настаивать не стала. Мне все казалось, что ты будешь разговаривать со мной чужим голосом, равнодушным, ведь ты не помнишь, как сильно меня любишь. Я была уверена, что не вынесу этого, или разревусь, или начну орать как истеричка, или трубку брошу. А ты разволнуешься, и вообще глупо как-то… Такие серьезные вещи по телефону не обсуждают, я подумала, уж лучше я приду к тебе, посмотрю в глаза, поцелую, и мы обо всем поговорим. Женька очень хотел ехать со мной, он так скучает по тебе! Но я его не взяла, он нам с тобой был бы сегодня не очень-то кстати. Как ты считаешь?

– Это верно, – хмыкнул я, припомнив необузданное вожделение, охватившее меня, как только Лина после первых пяти минут нашей встречи начала неуверенно, но настойчиво вести свою партию.

Кстати, в ее сексуальных привычках, давно мною изученных, появилось кое-что новенькое, и о своих наблюдениях я не замедлил высказаться вслух.

– Андрюшенька, мы же с тобой почти год экспериментировали, в нас проснулась такая жажда новизны…

Голос ее дрогнул, и из уголка глаза на мое голое плечо скатилась очередная слезинка.

– Ты ничего не помнишь, ничего, ничего! Ты забыл даже то, что тебе так понравилось!

– У тебя есть хорошая возможность напомнить мне, – двусмысленно заявил я, чувствуя, что ничего не имею против такого урока.

– Но в следующий раз мне придется привезти Женьку.

– При чем тут следующий раз? Или ты торопишься? – Лина приподнялась, оперлась на локоть и недоверчиво посмотрела на меня. Потом губы ее растянулись в радостной улыбке.

– Ты хочешь сейчас?

Разумеется, я хотел сейчас. Ведь Лины не было рядом со мной целый месяц. Или даже чуть больше.

Засыпал я совершенно умиротворенным. Жаль, конечно, что я не помню, как сильно люблю свою жену. Но у меня есть одна особенность: я в принципе не умею любить женщину, которая ко мне равнодушна. Я умею любить только тех женщин, которые любят меня самого. Я никогда не страдал от безответной любви, ну разве что в ранние школьные годы, мне никогда не приходилось никого завоевывать. Я просто останавливал свой выбор на одной из тех, которые или уже были влюблены в меня, или готовы были по первому свистку это сделать. И если Лина снова испытывает ко мне сильные чувства, то мне не составит никакого труда снова ответить на них.

Зато теперь я знаю: моя семья не распалась, наоборот, она стала крепче и стабильнее. Подводя итог последним двум годам, которые болтаются теперь черт-те где по закоулкам моей черепной коробки, можно констатировать несомненные позитивные достижения. Наладились отношения с дочерью от первого брака. Она даже сочла возможным посвятить меня в свои дела, суть которых хотела бы скрыть от родной матери. Закончена одна книга и полностью написана следующая, они по-прежнему хорошо продаются, и ни один критик пока не написал, что известный прозаик Корин находится на излете, что он выдохся и исписался. Судя по бумагам, оставленным Мусей мне на ознакомление, за два года еще пять стран купили права на перевод моих книг, таким образом, количество языков, на которых теперь будут издаваться мои романы, достигло тридцати семи. Деньги по этим контрактам уже поступили на мой счет. Особенно радует, что в числе указанных пяти стран снова оказались Соединенные Штаты. Пару лет назад одно американское издательство приобрело «на пробу» права на одну книгу, результаты продаж их более чем удовлетворили, местные газеты, откликнувшись несколькими положительными рецензиями, назвали меня «русским Артуром Хейли», и вот поступило предложение купить права на все книги. Это было очень хорошо, потому что, во-первых, прорваться на американский рынок из-за границы, тем паче из Восточной Европы, не с одной пробной вещью, а с целой серией, – задача невероятно трудная и почти никому не удается; а во-вторых, американские издатели много платят, потому как рынок-то большой, населения много, стало быть, и книжек можно продать неизмеримо больше, нежели, например, в Швеции или в Норвегии. А чем больше продано книг, тем выше мои доходы. То есть и по этой позиции у меня пока сплошные плюсы.

И, наконец, у меня все в порядке в семье. Сын растет и умнеет, жена любит, и с потенцией, судя по всему, проблем нет. То есть их и не было. И слава богу, что не появились за два года.

В общем, жизнь прекрасна и удивительна. Так, может, и плевать на нее, на амнезию-то? Есть она не просит, карман не тянет, жить не мешает. Ну есть она и есть, да и бог с ней.

За ночь, однако, физиологические впечатления, оставленные встречей с Линой, слегка померкли и эйфория, в которой я пребывал накануне вечером, сменилась здоровым скептицизмом. Снова в голове закрутились вопросы, на которые у меня не было разумного ответа. Почему я согласился написать книгу о сестре? Почему не дал денег Светке? Есть и третий фактор – выстрел, но его можно вывести из логического построения как неточно установленный и, следовательно, недоказанный факт. Однако первые два обстоятельства можно считать доказанными, и мне очень хотелось бы понять, что же так подействовало на меня, что я стал совершать нехарактерные для себя поступки. Именно нехарактерные, потому что я категорически не хотел писать книгу о Верочке, мне это было не интересно, я не мемуарист, мне мешают реальные факты, которые ни в коем случае нельзя искажать, моей фантазии нужна свобода. А матушка настаивала на точном воспроизведении событий, потому что хотела иметь книгу-

памятник. Нехарактерными казались мне мои же поступки и потому, что я старался не нарушать данных мною обещаний и выполнял их, даже если это выходило в ущерб моим же интересам. И еще потому, что я вообще никогда не цеплялся за деньги, не считал их и не жалел, щедро раздавая как в долг, так и в виде бескорыстной и безвозмездной помощи.

Такой странный внутренний перелом не мог быть связан с творческими неудачами, и это однозначно следовало из содержимого оставленной Мусей Беловцевой синей папки. Не связан он был и с личными (читай – самцово-кобелиными) драмами, ибо весь последний год я ни на шаг не отходил от Лины, смотрел на нее влюбленными глазами и при каждом удобном случае изощрялся на сексуальной ниве. То есть ни жена, ни очередная любовница меня не бросали, да и до импотенции мне пока далеко. Тогда что же случилось? Что?

Однако же скептицизм мой нынешний произрастал на явно неблагоприятной почве. Вчерашняя физическая расслабленность за ночь переросла в расслабленность умственную, и слабые, едва пробившиеся ростки пугающих мыслей тут же засыхали, не дождавшись полива и удобрений. Иными словами, я чувствовал себя бодрым и полным сил пофигистом. Мне не хотелось думать о неприятном. И мне это удалось.

К завтраку я явился во всеоружии хорошего настроения, и даже неодобрительный взгляд Чертополоха Петровича не сбил меня с оптимистической ноты. Видно, я что-то не так сделал, потому что и Мимозка сидела за столом грустная и глаз на меня не поднимала. Чем же это я так сурово провинился?

– Андрей, Леночка сказала, что вы вчера не ходили на прогулку и не ужинали. Я могу поинтересоваться, чем это вызвано?

– Можете, – охотно пустился я в объяснения. – Леночка отказалась от прогулки, потому что у нее болела голова. А одному мне гулять скучно, вот и я не пошел. Прилег после обеда, уснул и проспал ужин. А почему у вас это вызывает такое неудовольствие?

Старикан поднял голову и окатил меня волной презрения.

– Я полагал, что могу на один день вас оставить, ведь вы взрослые люди и сами понимаете, что хорошо и что плохо. Однако я, по-видимому, ошибся. Я доверил вам Леночку в надежде на то, что вы, Андрей, окажетесь настоящим джентльменом и не оставите ее в одиночестве, не пропустите прогулку, столь необходимую вам обоим, и не останетесь без ужина. И что же я узнал сегодня? Вы оба мало того, что не гуляли, так еще и не ели. Как это понимать? Вы хотите сделать из меня няньку, которая будет круглые сутки ходить за вами по пятам и следить, чтобы вы не нарушали режим?

Ох ты господи, ну опять завелся! Нет, кажется, он даже меня доконает своей менторской правильностью. Наш Колючкин, как и моя матушка, считает себя единственным хранителем знания о том, как нужно жить. Но свою Ольгу Андреевну я горячо люблю и потому многое ей прощаю. Этого же засушенного дикобраза я терпеть не обязан. А не пошел бы он… а?

Но настроение было все-таки отличным, посему я не пошел на поводу у порыва быть грубым, а ввязался в дискуссию.

– Павел Петрович, я вам повторяю, Елена сама отказалась от прогулки, а уж почему она не ужинала – спрашивайте у нее, а не у меня. Леночка, вы почему не ужинали? – строго спросил я сделав бровки «домиком». – Ну-ка отвечайте.

Она сидела, не поднимая головы и уткнувшись в тарелку с омлетом.

– Вероятно, потому же, почему вы, Андрей, не пошли на прогулку, – ответил вместо нее Павел Петрович. – Вы не гуляли, потому что вам одному скучно. А Леночка пришла в столовую, увидела, что вас нет, и ей не захотелось ужинать в одиночестве. Да-да, я точно знаю, что именно так и было, мне еще вчера вечером доложили, как вы, моя дорогая, минут пятнадцать просидели за столом, ни к чему не притронулись и ушли, оставив полные тарелки. Это стыдно, друзья мои. Вы впадаете в детство. Только маленькие дети стремятся все делать за компанию

и в одиночестве скучают. А вы взрослые люди, вы должны уметь сами о себе заботиться и отвечать за свое здоровье.

Елена по-прежнему молчала, медленно двигая ножом и вилкой, но количество омлета на ее тарелке отчего-то не уменьшалось. Интересно, она так и собирается всю дорогу молчать, уступая мне право отдуваться за нее? У меня-то причина уважительная, ко мне жена приехала, которую я месяц не видел. Так почему я должен выслушивать от Ежа Дикобразыча упреки в том, что Леночка не погуляла и Леночка осталась без ужина? Вот пусть бы и оправдывалась сама.

Тем не менее вместо того, чтобы перевести эту мысленную тираду в вербальную форму и четко обозначить свое отношение к происходящему и к самому Колючке Чертополоховичу, я, как обычно, пошел на мировую.

– Вероятно, вы правы, Павел Петрович, мы действительно впадаем в детство, но это связано с тем, что мы находимся пусть и в санаторного типа, но все-таки клинике. А что такое клиника? То же самое, что пионерский лагерь или тюрьма. Есть знающие люди, которые распоряжаются, когда и что тебе есть, когда и сколько спать, где гулять, какие таблетки пить и вообще что тебе можно и что нельзя. В такой обстановке поневоле атрофируется навык принятия решения и самостоятельности. Так что не судите нас с Леночкой излишне строго. А мы, в свою очередь, обещаем вам исправиться. Как, Елена, можем мы пообещать в дальнейшем вести себя правильно?

Дед довольно заулыбался и принялся деловито намазывать сливочное масло на пышную сдобную булочку. Елена же продолжала хранить молчание, как будто и вовсе утратила дар речи. Странная она какая-то…

ГЛАВА 5

Ну наконец-то! Канадский «безумец» освободил мою Мусю для меня, спасибо ему за это. Сегодня утром она позвонила и усталым голосом сообщила, что приедет во второй половине дня. И тогда я смогу задать ей все интересующие меня вопросы.

Я, правда, уже пытался задать их Лине, втайне понадеявшись на то, что коль уж мы по новой стали пылкими любовниками, то, может, и близкими друзьями заодно сделались. Но расчет себя не оправдал, Лина о моих писательских делах ничего особо тайного не знала, в частности, не знала она и того, над чем я работал или собирался работать после того, как закончил «Треугольный метр». Вообще-то если кому рассказать, так на смех поднимут: ну как это так, жена писателя не знает, какую книгу пишет ее муж! Да не бывает так! Поверить невозможно! Поверить-то невозможно, а вот жить подобным образом очень даже возможно. Жена целыми днями, в том числе и выходными, занимается своим прибыльным бизнесом, в котором муж ничего не понимает и в который не лезет. Муж теми же самыми днями ходит задумчивый, кому-то звонит, что-то чирикает в блокнотике, что-то пишет на компьютере. При этом где именно он ходит и кому именно звонит, жена не знает, поскольку находится на работе и приходит отнюдь не рано. А муж, однако же, имеет славную привычку то и дело уединяться на даче и творить в отрыве от повседневных забот и ежеминутного общения с близкими. На вопрос жены: «Как дела?» – муж обтекаемо отвечает, что сегодня ему славно поработалось или, наоборот, не работалось совсем, в мыслях полный застой. Тех коротких часов, которые мы с Линой проводили вместе, хватало на то, чтобы поговорить о сыне, о родителях, об общих знакомых или же, изображая счастливое семейство, пойти куда-нибудь втроем, в гости к моей матушке, к примеру, или в театр, или в ресторан. А часы эти были тем более коротки, что Лина должна была заниматься домашним хозяйством, что, в общем-то, к душевным разговорам не располагает. Я много раз предлагал ей нанять домработницу, но сия конструктивная идея вызывала у моей жены только гримасу брезгливости.

– Я даже мысли не могу допустить, что в квартиру придет чужой человек и будет трогать своими руками мою посуду, мое белье и мои продукты. Ни за что! Я прекрасно управляюсь сама.

Спору нет, она действительно управлялась прекрасно, хотя матушка порой и находила какие-то изъяны, но на то она и свекровь. Меня же все устраивало, и еда, и степень чистоты пола, и наглаженность моих сорочек. А беседы мне не нужны.

Так что на мой вопрос, а чем я занимался с конца января до конца апреля, Лина ответила:

– Ты говорил, что хочешь попробовать какой-то криминальный сюжет. Я удивилась, ведь ты детективы никогда не писал и вообще это не твой вкус, ты же бытовик-производственник.

– А я что ответил? Объяснил тебе как-нибудь свое желание?

– Ты сказал, что это будет не детектив, что ты напишешь в своей обычной манере, но в центре всего будет что-нибудь криминальное. И еще ты сказал, что Муся твое желание поддержала, она якобы считает, что такая книга будет вполне своевременной.

Ах вот даже как! Муся поддержала. Ладно, детали я выясню у самой Муси, но вот с какого, пардон, рожна я полез в криминальную тематику? Последний детектив в своей жизни я прочел лет в двенадцать, когда переживал увлечение Конан Дойлом, правда, позже, на волне моды на Жапризо, я прочел пару его романов, показавшихся мне излишне перегруженными натужной шизоидностью. Но это и все, больше к детективному жанру не возвращался. Так с чего бы вдруг такой интерес?

Ну ничего, вот придет Муся и все мне расскажет, осталось подождать всего несколько часов. А пока займемся выполнением оздоровительных процедур в тренажерном зале, после чего перейдем к не лишенному приятности общению в бассейне. Заодно и помечтаем о слад-

ком: через несколько дней мне исполнится… тьфу ты, бес попутал, чуть было не подумал «сорок пять», а ведь на самом деле сорок шесть. Все верно, в конце мая девяносто девятого года мне стукнуло сорок четыре, и свой следующий день рождения я должен был бы считать сорокапятилетием. Однако мне в двухтысячном году уже исполнилось сорок пять, но это как-то прошло мимо моего сознания. Интересно, как я отмечал? В ресторане или, может, с выездом в двухдневный дом отдыха, как нынче модно? Или вообще не отмечал, потому что был в «творческом угаре» и безвылазно торчал на даче? Или был в это время где-то за границей, давал интервью и встречался с читателями? Почему-то такой вопрос возник у меня только сейчас, иначе я бы задал его маме или Лине и давно уже получил бы ответ. Можно, конечно, взять телефон, набрать номер и спросить у моих дам, но как-то смешно лезть со столь странным интересом в напряженную жизнь ведущего прием хирурга или сидящего на переговорах руководителя фирмы. Ладно, об этом мне тоже Муся расскажет, когда приедет вечером. Конечно, в числе моих гостей ее наверняка не было, не тот у нас стиль отношений, но ежели я что-то организовывал вроде банкета или выезда за город, то занималась этим, безусловно, именно она. А кто же еще? Не я, уж это точно. А больше некому. Муся посмотрит в свою замечательную книжечку и все-все мне расскажет. Есть у моего литагента такая книжулечка под названием «органайзер», да не маленькая, а полноценного книжного формата, по странице на каждый день года, и страницы эти у нее исписаны мелким почерком сверху донизу. Муся всегда все записывает, вплоть до мелочей, именно поэтому никогда ничего не забывает и не упускает. Очень собранная дамочка.

Что же будет с моим днем рождения в этом году? Как сделать так, чтобы не общаться ни с кем, кроме самых близких – мамы, Лины, Женьки и Муси, но в то же время не лишить себя удовольствия получить поздравления и подарки? Да, я стыжусь порой этой поистине детской любви к собственному празднику, но я не стану корчить из себя усталого от жизни эстета и всем рассказывать, как я не люблю свой день рождения. Люблю. Я не страшусь ежегодно возрастающих цифр, обозначающих мой возраст. И поздравления получать я люблю. И подарки. Причем не меркантильно (у меня достаточно денег, чтобы купить себе все, что захочется), а именно по-детски, с тайным трепетом ожидания сюрприза. И хотя мне, мужику не первой молодости, чаще всего дарят цветы и дорогие спиртные напитки, все равно меня это радует и греет мою восторженно-циничную душу старого мальчика. И даже потеря памяти, вселившая в меня страх перед внешним миром и контактами со знакомыми людьми, не заставит меня забыть о самом приятном дне в году.

Удовольствие от мыслей о дне рождения в сочетании с радостным ожиданием Муси, чьи рассказы должны были немедленно и полностью заполнить царящую в моей памяти пустоту, ввергло меня в некое подобие эйфории, которая не давала обращать особое внимание ни на брюзжание сверх обычного со стороны Чертополоха Петровича, ни на какую-то чрезмерную подавленность нашей нежной Мимозы – Елены. Я, конечно, не мог не заметить, что настроение у обоих моих собеседников сегодня, мягко говоря, хреновое, но не испытал ни малейшего желания ни спросить их о причинах, ни попытаться развеять мрачное состояние их душ. Мне было наплевать. На все вообще и на них в частности. Я слишком многого ждал от сегодняшнего визита Муси, и все прочее уже не имело никакого значения.

Муся явилась даже раньше, чем я ждал. Осунувшаяся, бледненькая, но веселая, с блестящими глазами и трепещущими от готовности улыбнуться пухлыми губами.

– Все, Корин, я отстрелялась по канадской цели! – торжественно заявила она, по-кошачьи уютно устроившись в кресле. – Теперь я твоя до тех пор, пока ты во мне нуждаешься. Всех пошлю к чертовой матери и буду заниматься только твоими делами.

Я деликатно усомнился в необходимости столь суровых жертв, но Муся решительно пресекла мои попытки быть благородным.

– Корин, ты – мой автор номер один. И потом, ты особенный, ты совсем не похож на всех остальных моих подопечных. Если я не буду заниматься твоими делами, то кто будет это делать? Твоя жена занята своим бизнесом, сын еще слишком мал, матушка слишком далека от современных требований к деловой активности, друзей у тебя нет, секретаря тоже. А сам ты не умеешь. Ты в этом смысле абсолютно уникален, все прочие мои авторы устраивают свои дела сами и без меня не пропадут, если я с ними расстанусь, они просто будут меньше зарабатывать, но жизнь для них не остановится. А ты без меня пропадешь. Согласен?

Естественно, я был согласен. И тут же засыпал Мусю вопросами в надежде на то, что ее подробные ответы разбудят наконец мои впавшие в кому воспоминания. И снова надежды не оправдались, я ничего не вспомнил. Но зато узнал о себе много нового и весьма любопытного.

Во-первых, выяснилось, что я так и остался кобелем, несмотря на новый виток в отношениях с женой. В прошлом году во Франкфурте, куда мы с Мусей приехали на книжную ярмарку, я познакомился с прелестной женщиной и впал в страстный роман, по ею пору поддерживаемый телефонными разговорами и ее двукратными приездами в Москву по делам фирмы, в немецком представительстве которой она работает. Ай да я! Вообще-то, меня это не красит, если судить с точки зрения общественной морали, но, с другой стороны, это обычный для меня стиль жизни, и я никогда не мучился вопросом, правильно ли это и прилично ли, когда мужчина с одинаковым удовольствием спит с двумя разными женщинами и каждую по-своему любит. Не знаю, прилично ли, но в том, что это правильно и нормально, я ни разу не усомнился с тех пор, как мне исполнилось двадцать пять.

Во-вторых, мои финансовые дела находятся в полном порядке, никаких непредвиденных крупных трат зимой у меня не было, и Муся не имеет ни малейшего представления о том, почему я не дал дочери обещанных денег. Проблемы Светкины я со своим литагентом не обсуждал, хотя однажды спросил, нет ли у нее знакомых в среде музыкальных продюсеров. Якобы я хотел о ком-то навести справки. Вероятно, о новом Светкином возлюбленном Гарике. Хотел выяснить, какова его репутация в мире шоу-бизнеса, знает ли его кто-нибудь и как оценивают степень его одаренности и перспективность грандиозных проектов моей дочери. Но об этом я могу только догадываться, потому что Муся сама ничего толком не знала и знакомых в той среде у нее не оказалось, хотя она, со свойственной ей исполнительностью и обязательностью, взялась отыскать нужных мне людей. Но я ответил, что, мол, не стоит напрягаться, это не так уж и важно. Просто если бы такие знакомые были, то я поговорил бы с ними, а коль нет – так и нет.

В-третьих, я затеялся писать книгу о том, что в нашем Министерстве внутренних дел окопались воры, коррупционеры, пособники всяческих негодяев и откровенные бандиты. Я действительно (тут Лина не ошиблась) собирался делать привычный для меня производственный роман о буднях сотрудников министерства. Толчком же послужила встреча с неким человеком, который обратился ко мне со своей бедой. Ко мне и в самом деле многие пытаются обратиться с просьбами о помощи, в частности, чтобы я помог разобраться в их деле. По представлениям этих людей, писатель, особенно популярный, это человек, который ногой открывает двери в любые кабинеты, и уж если он придет с бумагами и скажет, что человека незаслуженно обидели, то все тут же, ломая ноги, кинутся разбираться, искать правду и непременно решат дело в пользу просителя. Может, при советской власти так оно и было, но сейчас – нет. Каким бы известным писателем я ни был, лично мне могут пойти навстречу и сделать что-нибудь побыстрее или без очереди, но не более того. А уж на людей, за которых я буду просить, чиновничьи милости никак не распространяются. Поэтому мое заступничество абсолютно бессмысленно. Кроме того, где гарантии, что поиски правды, то есть законного и справедливого решения вопроса, не обернутся во вред просителю? Нет таких гарантий, ибо проситель-то уверен, что прав в своих притязаниях, но у закона на этот счет может быть совсем другое мнение,

вот и окажется в итоге, что мое вмешательство привело к нежелательному результату. А виноватым будут считать меня. Мне оно нужно?

Однако некоторым просителям все же удавалось прорваться сквозь мощный заслон Мусиных решительных отказов и терпеливых объяснений. И это не ее вина, просто они каким-то неведомым мне образом узнавали мой домашний телефон или даже адрес и настойчиво звонили или подкарауливали возле дома. Вот и этому просителю удалось прорваться. Во всяком случае, Мусе я рассказывал, что он пришел ко мне домой. Уважаемый человек, профессор, доктор каких-то точных наук, не то технических, не то физико-математических. У него погиб внук, шестнадцатилетний мальчик. Его нашли в лесу повешенным, и милиция после наспех проведенного дознания пришла к выводу, что он повесился сам и что оснований для возбуждения уголовного дела нет. Вскрытие, по мнению убитого горем деда, было проведено поверхностно, а если не поверхностно, то его результаты сфальсифицированы. Мальчик был повешен на чьем-то чужом ремне, его собственный так и оставался на джинсах. Родные пытались обратить внимание милиции на эту деталь, но безрезультатно. Более того, за несколько месяцев до этого в том же городе был найден повешенным еще один подросток, и тоже на чужом ремне, и тоже было вынесено решение о том, что это самоубийство. Дед погибшего мальчика не допускал и мысли о том, что внук мог покончить с собой, это был жизнерадостный уравновешенный юноша, и никаких изменений в его настроении или поведении близкие не замечали. При этом дедушка как настоящий научный работник перелопатил гору литературы о подростковых суицидах и пришел к выводу, что если бы ребенок в таком возрасте захотел уйти из жизни путем самоповешения, то в девяноста девяти процентах случаев сделал бы это у себя дома. А не в лесу. Причину же столь халатного и бездушного отношения милиции к своим обязанностям дед видел в нежелании тратить время на раскрытие тяжких преступлений, потому что время это нужно нашим доблестным милиционерам совсем для других дел, например, для того, чтобы заниматься поборами с местных предпринимателей и торговцев или ездить по указанным бандитами адресам и устраивать, прикрываясь формой и удостоверениями, все различные разборки, в том числе и с применением физической силы. Что же касается прокурора, равнодушно взирающего на это беззаконие, то его позиция объясняется тем, что он сильно зависит от благорасположения милиционеров, однажды застукавших его с поличным просто-таки при совершении преступления. И они, по взаимной договоренности, будут молчать ровно до тех пор, пока он дает им дышать, иными словами – самовольно решать, что является преступлением, а что – нет, по какому факту работать, а какой замарафетить.

Еще Муся рассказала, что история эта показалась мне уж слишком… Короче, я не был уверен, что все происходило именно так и за всем этим стояли именно такие мотивы. Однако Муся мои сомнения развеяла, объяснив мне, что я оторвался от жизни, живу в башне из слоновой кости, передоверив окружающим все организационные моменты своего существования, и просто не имею представления о том, какой бардак, безобразие и беззаконие царят сегодня в правоохранительных структурах. А когда я заговорил о том, что, может, мне попробовать об этом написать, Муся горячо меня поддержала, высказав со своей стороны ряд вполне разумных аргументов, которые она мне сегодня снова повторила. Мои последние книги – о дизайнерах и о риэлтерах – рассказывают о жизни «новых молодых русских» и, соответственно, интересны в первую очередь именно этому социально-биологическому слою. Людей, которым сегодня за пятьдесят, мои герои с их бизнес-проблемами, фьючерсными сделками, консалтингами и лизингами не очень-то волнуют. Пора написать книгу, обращенную к старшему поколению, чтобы завоевать и эту часть читательской аудитории. А старшее поколение в нынешнее время весьма обеспокоено именно проблемами беззакония и произвола. Ведь они, в отличие от молодых, очень хорошо помнят то время, когда звание милиционера звучало гордо, работать в милиции было престижно и считалось, что «она их бережет». Кроме того, на фоне моей демонстративной аполитичности неплохо бы хоть как-то высказаться критически в отношении

существующих порядков, чтобы у читателей не возникло ощущения, что я зажрался и, получая высокие гонорары, живу в полном ладу и согласии с тем самым миром, в котором столько нищих, голодных, безработных, разоренных и несправедливо обиженных. Я, по мнению многоопытной Муси, много лет эксплуатирую жанр производственного бытописательства, и пришло уже время впустить в свое творчество свежую струю, дабы не быть однообразным и не надоесть читателям.

Мусе я верил, у нее действительно был и огромный опыт и фантастическое чутье. Ну и кроме того, в глубине души я не мог не признать, что она права. Впрочем, как всегда. Моя Пушистая Кошечка никогда не ошибалась, во всяком случае, за те годы, что работала со мной.

Так вот, приняв принципиальное решение о том, что по завершении «Треугольного метра» я возьмусь за роман о безобразиях, творящихся в МВД, я стал потихонечку собирать материал. Не целенаправленно, чтобы не отрывать внимание от книги о риэлтерах, а от случая к случаю, используя для этого всяческие удобные оказии. Например, когда ездил во Франкфурт или в Париж, попутно заезжал и в другие города Германии или Франции и встречался с людьми, которые могли бы рассказать кое-что любопытное. Откуда я узнавал об этих людях? Оказывается, среди моих многочисленных знакомых были и некоторые чиновники Министерства внутренних дел, и один из них, горячо болеющий душой за утрату любимым ведомством своей безупречной репутации, вызвался поделиться тем, что знает сам, и найти надежные источники информации о том, чего сам он не знает или знает не точно. Кстати говоря, моя новая пассия из Франкфурта как раз и была из числа тех людей, которые должны были помочь мне установить контакт с кем-то, проживающим в Кельне. И пока Муся оттаптывала огромные павильоны книжной ярмарки, выполняя поручения российских издателей и отдельных авторов, я успел не только дать все запланированные интервью и поучаствовать в мероприятиях ярмарки, но и смотаться в Кельн. Прыткий какой, однако…

Мы проговорили с Мусей до позднего вечера, я даже ужин пропустил, чтобы не прерывать разговор. Благо холодильник в палате оказался забит фруктами и деликатесами, принесенными мамой и Линой. Муся заверила меня, что займется моим раненым автомобильчиком, до сих пор скучающим возле здания талдомской милиции, и завтра же постарается заехать ко мне домой, переписать из компьютера на дискету все наработки к новому роману, а также привезти мой ноутбук, чтобы я смог эти материалы посмотреть. Что же касается грядущего дня рождения, то самым оптимальным, по ее мнению, было бы оставить все как есть. Пусть те, кто захочет поздравить меня, приносят цветы и подарки либо ко мне домой, либо к Мусе в офис, а она потом привезет мне все скопом.

Напоследок я после некоторых колебаний все же задал ей вопрос, который продолжал раздражающе зудеть в моем сознании:

– Ты не знаешь, что могло выбить меня из колеи настолько, чтобы я поддался на матушкины уговоры написать книгу о сестре?

Муся глянула удивленно и недоверчиво.

– Неужели ты согласился? Ты же так не хотел, ты много раз мне об этом говорил…

– В том-то и дело, – я удрученно вздохнул. – Не хотел – не хотел, а вот сломался. Знать бы, на чем именно. Может, я был чем-то расстроен, удручен или, наоборот, сильно радовался, пребывал в радужном настроении. А? Не знаешь?

– Когда это случилось? – Муся слегка нахмурилась, снова открыла свой органайзер, приготовилась листать.

– Не могу сказать точно, но судя по всему, в феврале или марте. То есть после того, как я закончил «Треугольный метр».

Муся пошелестела страницами, побегала глазами по строчкам, усеянным плотными мелкими буковками, покачала головой.

– Ничего такого… В феврале у тебя было пять интервью газетам, еще два для журналов, два выступления по телевидению и три по радио. В марте поспокойнее, всего четыре интервью для прессы, одна запись на телевидении, и, насколько я помню, никто тебя не разозлил и не расстроил, никаких скандалов. Еще мы с тобой ездили в Лейпциг на книжную ярмарку, у тебя там были две встречи с читателями, все прошло очень спокойно и достойно. Между прочим, в Лейпциг приезжала твоя дама из Франкфурта, повидаться. Ты был очень доволен. Плохих рецензий на твои книги тоже не было. Нет, внешне ничего такого, что могло бы тебя подкосить, я не нахожу. Но, Андрей, – Муся закрыла органайзер, сняла очки, аккуратно вложила их в дорогой кожаный футляр с эмблемой Версаче, – я не могу быть авторитетным источником информации в таких вопросах. Твоя внешняя жизнь проходит на моих глазах, но что происходит у тебя внутри, знаешь только ты сам. Со мной ты не делишься. У тебя нередко бывает плохое настроение, ты впадаешь в депрессии, но ни разу за все годы, что мы с тобой работаем, ты не поделился со мной, не сказал о причинах. Ты это не обсуждаешь. Ради бога, пойми меня правильно, это не в упрек я говорю, я только констатирую, что мы с тобой добрые товарищи, деловые партнеры, но не друзья. Может быть, тебе лучше поговорить об этом с Линой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.